

ЭПОХА РЕНЕССАНСА. ФРАНЦИЯ

Французское Возрождение и Франсуа Вийон

Вступление: литература до Вийона

В XIII в. культура Франции, благодаря поэзии гениальных провансальских трубадуров и творчеству труверов, среди которых блистала ярчайшая звезда Кретьена де Труа, благодаря великолепной готической архитектуре и университетской науке, была ведущей среди западных культур. В немалой степени этому, разумеется, способствовала и деятельность выдающихся мыслителей Сигера Брабантского и Жана де Мена, антипапская политика французских королей, проводником которой в Италии был Брунетто Латини, учитель Данте. В XIV - первой половине XV в. развитие французской культуры проходило в обстановке Столетней войны (1337 - 1453), острых социальных потрясений, что, однако, не привело к быстрому качественному скачку: слишком сильны были во Франции средневековые литературные традиции. Поэтому можно сказать, что в данный период здесь разворачивался новый тип эволюции средневековой культуры, с ее аллегоризмом и морализмом. Но жизнь все же развивалась, росли города, а вместе с ними и удельный вес городской словесности, оттесняющей куртуазную литературу, видоизменяющей ее и приобретающей таким образом новое качество.

Усилиями ученых и философов Иоанна Буридана (1300 - 1359), Николая Ортекура, Николая Резмского (1320 - 1382) во Франции усилился интерес к античности, который рассматривается специалистами как первые ростки гуманизма. Проповедник Жан Жерсон (1362 - 1429) одним из первых принялся за изучение классической латыни. Филипп де Мезьер (1327 - 1405) стал первым переводчиком Петрарки на французский язык.

Оплотом новой культуры были круги городской интеллигенции, отчасти связанные с двором, но главным образом - с вышедшими из-под жесткой опеки церкви "молодыми" университетами в Орлеане, Лионе, Гренобле, Перпиньяне, Анжере. Возникают и светские городские школы, прообразы коллежей.

Начинается время публицистики, и теперь уже не Франция на Италию, а Италия на Францию начинает оказывать просвещенное влияние.

Новая литература начинается, собственно, с театра, с мистерий, то есть полупрофессиональных представлений, в которых обыкновенно принимают участие и зрители, зачастую идущих неделями: многие из них насчитывали по 50 и более тысяч стихотворных строк. Сперва они были, конечно, чисто религиозными, но быстро обмирщались. Наиболее популярные авторы мистерий: Арнуль Гребан (1420 - 1471) с его "Мистерией страстей" и "Мистерией деяний апостолов"; Жан Мишель, а также Жак Миле (1428 - 1466) с "Мистерией о разрушении Трои" и "Мистерией об осаде Орлеана", в которой была выведена Жанна д'Арк.

Помимо мистерий очень популярны были небольшие аллегорические пьесы - моралите, изображавшие такие понятия и страсти, как, например, Скупость, Вождение и т.п. Наиболее значительные авторы: Андре де ла Винь, Жорж Шателен (1403 - 1475). Самым же популярным жанром во Франции тех времен был, что совершенно естественно, фарс с его духом веселья, грубой буффонады, идущей от масленичных игр и карнавалов.

И, тем не менее ведущее положение было все-таки за лирикой. Школа искусства поэзии Гийома де Машо превратила поэзию в науку, так называемую "вторую риторику". Скоро поэзия сильно сблизилась с музыкой (впрочем, они были неразлучны еще со времен трубадуров), и многие поэты составляли музыкальные трактаты: Жан де Мюри, Жан де Груши, тот же Николай Резмский ("О конфигурации качества", "О разделении монохорда"). Знаменитый везде Петрарка (помните, его собирались увенчать лавровым венком короля поэтов сразу в нескольких городах, в том числе и в Париже, но поэт выбрал Рим?..) лучшим французским поэтом считал Филиппа де Вентри (1291 - 1361). Трактаты последнего "Новое

искусство" и "Искусство контрапункта" оказали большое влияние на искусства поэзии и музыки. Автора называли даже "цветом музыкантов всего мира".

Наиболее значительным поэтом был Гийом де Машо (1300 - 1377), сочинявший баллады, рондо, верелэ, мотеты. Его поэма "Взятие Александрии" считалась самым виртуозным произведением времени.

Продолжателем Машо был Эташ Дешан (1346 - 1406) - ученый-клирик, воспевавший Париж и в поздних стихах в чем-то предвосхитивший первого гения новой французской литературы Франсуа Вийона:

Нет светлых разума побед,
Мир ослабел, мир нездоров,
И мы стремимся в некий ров,
И время замечает след,
Ни друга, ни подруги нет.

Наиболее яркий историк эпохи - Жан Фруассар (1337 - 1414). Его многотомные "Хроники" охватывают историю Франции с 1328 по 1400 г. К началу XV в. относится творчество очень талантливого поэта Алена Шартье (1385 - 1434). Славу ему принесли поэмы "Книга четырех дам" и "Безжалостная красавица".

Самый же яркий поэт эпохи - герцог Карл Орлеанский (1394 - 1465), сын Людовика Орлеанского. Жизнь он прожил бурную, был классически образован, основательно знал античных и итальянских авторов.

Во время английского плена он близко сошелся с Алисой Суффолк, внучкой великого Чосера, и познакомился с поэзией английского классика. Его главной любовью были книги, и разлуку со своей библиотекой в Блуа он оплакивал больше, чем разлуку с молодой женой и с родиной.

Он стал поэтом именно в плену, куда попал после битвы при Аренкуре. Литературная слава Карла Орлеанского в XV в. была повсеместной, а его замок в Блуа стал местом собрания поэтов всей Франции. И действительно, Карл был подлинным поэтом, чему свидетельством хотя бы следующие строки:

Время сбросило одеянье
Ветра, холода и дождей,
Как парча, на природе всей
Солнца радостное сиянье...
Струй серебряных трепетанье
И река несет, и ручей,
В каждой капле - отблеск лучей,
Полон снова мир обаянья!
Время сбросило одеянье
Ветра, холода и дождей.

Однако сказанные им в старости слова: "Мир устал от меня, но и я - от него" оказались пророческими. Уже в следующем столетии поэзия Возрождения оттеснила его творчество, и Карл как поэт, к сожалению, был почти забыт. Впервые его стихи были извлечены из забвения и напечатаны лишь в 1803 г.

Творческим итогом развития средневековой французской литературы и одновременно предвестником Ренессанса стала поэзия Франсуа Вийона, к знакомству с которым мы сейчас и переходим.

1. "Первый народный певец" Франсуа Вийон

"...у французов Вильон воспевал в площадных куплетах кабаки и виселицу и почитается первым народным певцом", - писал о нем Пушкин. В русской транскрипции в разное время его псевдоним звучал по-разному: Вильон, Виллон, Вийон. Настоящее имя поэта - Франсуа (что означает "француз") Монкорбье. Как и о многих старых авторах, о его реальной жизни сохранилось очень мало сведений. Даже дата его рождения - 1431 - весьма сомнительна, а уж время смерти - после 1463 - вообще неведомо.

Короче говоря, известно о нем почти только то, что он сам рассказал в стихах. А здесь, как вы понимаете, нельзя все принимать за чистую монету: между автором и тем, что он пишет, кого рисует, стоит еще один господин по имени "лирический герой". Во всяком случае при внимательном чтении его "автобиографических" поэм-завещаний явно заметен некий умысел - творимая легенда. Наш Александр Сергеевич был ведь далеко не первым, кто ваял словом и образом жизни автопортрет поэта.

Однако кое-что про Вийона можно сказать утвердительно: начало его творчества совпадает с событиями, в некотором роде обозначившими рубеж Возрождения. Это изобретение Гутенберга и захват турками Константинополя. Для француза же гораздо важнее было (или казалось) окончание Столетней войны (1453 г.).

Некоторые сведения о поэте ученые почерпнули из судебных документов, что, конечно же, великая удача, ибо, как пишет переводчик, составитель и комментатор самого на сегодняшний день полного и авторитетного русскоязычного издания сочинений Вийона (М.: Рипол-классик, 1998) Е. Витковский, "судебным инстанциям было если не наплевать, то почти наплевать на все стихи на свете, особенно же стихи недоучки-уголовника" (цитируется здесь и далее предисловие к этому изданию. С. 5 - 36). Родился Вийон в Париже, восьми лет остался без отца и был усыновлен священником по имени Гийом де Вийон, настоятелем тогда церкви св. Бенедикта.

Учился он в Сорбонне (степень бакалавра получил в 1449 г., лиценциата - в 1452), но премудрым теологом не стал. То ли потому что по типу личности был типичной богемой, хуже того - подонком (в смысле - жителем, обитателем парижского дна). Вот что рассказывает о жизни Вийона Витковский.

"Возле дома некоей набожной старой дамы по имени Катерина Брюйер лежал с незапамятных времен круглый булыжник, прозванный школярами за внешнее сходство с грибом-дождевиком "чертов бздёх", - видимо, выполнявший функции межевого камня. В 1451 году молодые студенты Парижского университета - и в их числе Вийон, - то ли осерчав за что-то на Катерину Брюйер, то ли просто от непомерной юной энергии, этот булыжник погрузили на телегу и увезли к себе в латинский квартал. Дама пожаловалась городским властям, камень вернули. Но распоясавшиеся студенты решили "поставить на своем" - и опять увезли булыжник к себе. Дело запахло скандалом, нашедшим кое-какое отражение в стихах Вийона, но на фоне событий, сотрясавших Францию (в 1452 году была "реабилитирована" Жанна д'Арк!) студенческие шалости оставались шалостями и даже получению степени лиценциата не помешали..." В то, время, похоже, он был уже известным поэтом.

"5 июня 1455 года случилась в городе Париже, да еще на церковной паперти, поножовщина: клирик Филипп Сермуаз напал на Франсуа Вийона и ножом рассек ему губу; причиной драки, по косвенным данным, была некая дама по имени Катрин де Воссель, - скажем деликатно, что едва ли она принадлежала к высшему обществу. Поднаторевший в искусстве уличной драки Вийон запустил камнем в голову Сермуаза, на чем жизненный путь любвеобильного клирика завершился, а у Вийона начались неприятности с правосудием. Вийон просто бежал, и едва ли сам знал куда, кроме того что хотелось ему быть подальше от парижского суда. Полгода он где-то бродяжничал, и есть основания думать, что именно в этих скитаниях выучил он жаргон "кокийяров", проще говоря - воровской язык середины XV века". На этом-то языке и написаны несколько баллад Вийона, причем они даже и французами-то расшифрованы не окончательно.

"Сам Вийон, впрочем, в уголовной области изучением воровского языка не ограничился. Вернувшись в Париж с пустыми карманами в начале 1456 года, он с друзьями "пошел на скок": ограбил Наваррский коллеж; поскольку он всего лишь стоял "на стрёме"... заплатили ему лишь четверть взятой "кассы" - сто двадцать пять золотых эю. По тем временам это было немало, но и кража была достаточно громкой, так что в очередной раз Вийон "сваливает" из Парижа.

Преступление открылось не скоро, в марте 1457 года, в мае того же года выплыло и участие в нем Вийона...

Где скитался, чем занимался Вийон, сбежавший из Парижа во второй раз, - лучше не импровизировать. Вроде бы он бежал в Анжер, вроде бы был приговорен к казни через повешение и по этому поводу сочинил знаменитую балладу о повешенных. В 1460 году он сидел в тюрьме в Орлеане - Бог весть, за что, но смертную казнь ему обещали нешуточно". Выручила и ее не раз выручит Вийона амнистия. Следы его окончательно теряются после 8 января 1463 г.

Да и немудрено, если к слову упомянуть знаменитейшее четверостишие, будто бы написанное Вийоном углем на стене тюремной камеры, в которой он ожидал очередной смертной казни:

Я - Франсуа, чему не рад,
Увы, ждет смерть злодея,
И сколько весит этот зад,
Узнает скоро шея.

Этот ученый нищий, в чем-то повторивший путь вагантов, наделенный величайшим поэтическим даром, единственный сумел раскрыть через свое лирическое "я" эпоху, но и еще преодолеть ее, смоделировать общечеловеческие, универсальные переживания и ситуации. Обитатель дна, он по природе своей не мог не быть демократичным. А такой литературы до него в истории еще не было. Внешне совершенно традиционная формально (баллады, рондо, песни, каламбуры, изоощренные синонимы и рифмы), содержательно его поэзия как бы вобрала в себя все средневековые, спародировала его и этой пародией в трагических тонах совершила качественный скачок через голову времени.

Скажу сейчас крамольную мысль: Вийон - французский Данте, черный и горький юморист, нарисовавший ад на земле, пытавшийся с этим адом ладить, жить в нем и сумевший во всем этом преуспеть.

Уже в ранних вещах ("Малое завещание", баллады 1455 - 1458 гг.) намечается его содержательное новаторство. Уже здесь смешиваются предбраблезианское веселое молодечество и трагизм всего земного. Уже здесь появляются его знаменитые гротеск и сатира, которые сознательно подхватит и разовьет Рабле. Даже имена этих двух гениев одинаковы - Франсуа - и как бы символизируют истинную суть веселого, легкого галльского духа.

Главная вещь Вийона - "Большое завещание" (1461) - своего рода поэма, включающая 186 восьмистиший, излагающих основную содержательную часть, а также 16 баллад и 3 рондо - этаких лирических отступлений, или, если хотите, вставных новелл.

По-французски название этой поэмы звучит как "Testament", то есть не то "Завещание", не то "Завет". Таким образом, двойственность, игра слов, черный юмор заявляются автором уже в самом первом слове текста. А ведь такая игра слов в эпоху всецельной церкви - дело опасное. Вийон-бесстрашный, Вийон-висельник умудряется в своей поэме, по объему совсем небольшой, рассказать обо всем на свете, представить мир во всем многообразии. Но это не привычный вариант поэтической энциклопедии, как мы любим называть поэмы Гомера, Данте, Пушкина. Это скорее калейдоскоп, который как ни поверни - все будет ново, интересно, а самое главное - своеобразно. И измена возлюбленной, и голод, и изгнание, и тюрьма, и эшафот, и предсмертные распоряжения, и издевательское пренебрежение нищего к богачам, и обличение подлости сильных мира сего, - все вроде бы знакомо, но подано в совершенно ни на кого не похожей тональности. А формально-то ведь все те же баллады и

рондо, что у множества других авторов... Что же тогда ново: содержание, форма? Наверное, речь вести следует все-таки о содержании. Потому что в сущности "Завещание" Вийона - исповедь, его, поэтова, "я", его личность, выходящая из ряда, проявляющаяся в творчестве и проверяющаяся им.

Суть поэзии Вийона - отрицание средневековой морали "всех", толпы, общества. И противопоставление ей морали личности. А это уже черта гуманистическая, почти ренессансная.

И коль скоро это так, коль скоро Вийон - личность, не просто противопоставляющая себя всем и всему, но единственная противопоставляющая, то и не может она не быть в конфликте с обществом, сколь угодно разнообразном конфликте: бедняк против богачей, поэт против черни, одиночка против стаи. А значит и самая главная, самая глубинная его тема: человек одинок среди людей. И это не что иное, как истинный экзистенциализм за пятьсот лет до изобретения понятия.

Один, без крова, без родни, -
Не веришь? На меня взгляни!
Смотри, как всеми я покинут!

В этой жалобной формуле есть, однако, двойное дно: он не просто всеми покинут, он и сам всех покинул. "Отказываюсь выть с волками площадей", - скажет Цветаева, в сущности, повторяя вийоновское отречение уже без всякой многозначности. Вийон если не атеист, то уж точно антиклерикал. И его герой вовсе не хочет умерщвлять тело во спасение души. Телесная жизнь - вот предмет его поэзии. Этаким Данте телесного мира. Парадокс? Да сам Вийон - сплошной парадокс, и парадокс - главный, излюбленный прием его мышления и творчества: "От жажды умираю над ручьем", "Где же прошлогодний снег?", "Где днесь апостолы святые?", "Я знаю то, что ничего не знаю". И он же - поэт быта, земной жизни, ее радостей:

Пулярка, утки, каплуны,
Фазаны, рыба, яйца всмятку,
Вкрутую, пироги, блины...

Люби, покуда бродит хмель,
Гуляй, пируй зимой и летом,
Целуй красоток всех земель...

Человек, его тело, негармоничное, но живое, корчащееся от боли - предмет любви и внимания поэта. А сама любовь, женщина? Конечно же, но так, как не было ни у кого: ни у античных поэтов, ни уж тем более у поэтов христианской эпохи.

Ругают женщин повсеместно,
Однако в них ли корень зла?
Ведь каждая когда-то честной
И чистой девушкой была!

В корыстном и продажном обществе и любовь не может не быть корыстной и продажной. Отсюда и вывод: "Как счастлив тот, кто не влюблен!" Если и был истинный борец с куртуазностью в ту эпоху, так это, разумеется, Вийон, поэт парадокса и гротеска. Сравните фрагменты из "Баллады о том, как варить языки клеветников" и "Баллады о дамах былых времен" (посвящение Жанне д'Арк). Кажется, одну писал злой сатирик, а другую вдохновенный лирик.

В горячем соусе с приправой мышьяка,
В помоях сальных с падалью червивой,

В свинце кипящем, - чтоб наверняка! -
В кровях нечистой ведьмы похотливой,
С обмывками вонючих ног потливых,
В слюне ехидны, в смертоносных ядах,
В помете птиц, в гнилой воде из кадок,
В янтарной желчи бешеных волков,
Над серным пламенем клокочущего ада
Да сварят языки клеветников!

Где Жанна, что познала пленной
Костер и смерть за славный грех?
Где все, Владычица вселенной?
Увы, где прошлогодний снег!

И еще одна тема, может быть, главная в его творчестве, - тема смерти: Два "Завещания", множество разбросанных по ним и по отдельным стихотворениям строк.

Корзинщики? Передо мной
Тела, истлевшие в могилах...
Где мэтр, а где школяр простой,
Я различить уже не в силах.

Пожалуй, именно Вийон первым в мировой литературе с такой страстью изобразил личность, ее трагедию, обездоленность и ужас одиночества. Куда там властителем дум XX века - Кафке и Сартру!.. Все сказано задолго до них. И как сказано!..

"Чужбина мне - страна моя родная"; "Я сомневаюсь в явном, верю чуду"; "Я знаю все, но только не себя"; "Не ангел, но и не злодей" (о человеке вообще); "Везде я гость, гонимый за порог".

Самораскрытие личности Вийона не сравнимо ни с кем до него, разве что с Августином. Да и после мало кто добивался таких же результатов, разве что Достоевский.

Несмотря на то, что никто ничего о Вийоне толком не знает, поэзия его всегда была удивительно современна. Его читали как при жизни, так и после смерти. Рабле включил его в качестве героя в своего "Гаргантюа...", а Теофиль Готье называл самым большим поэтом.

История русского Вийона начинается с процитированной в начале лекции фразы Пушкина, а история русских переводов Вийона - с анонимного переложения "Баллады о повешенных" (1900). Затем Брюсов, акмеисты, некто Сергей Пинус и наконец Илья Эренбург в 1916 г. открыли Вийона русскому читателю. Кое-что из Вийона перевел Гумилев, но главная заслуга в этом деле была все-таки у Эренбурга. Тот же Витковский пишет, что это, может быть, вообще лучшее из всего, что Илья Григорьевич сделал в литературе. Кстати, он работал над Вийоном долгие годы, и в 1963 г. вышла их совместная с Ф. Мендельсоном книжка "Франсуа Вийон. Стихи", содержащая почти все написанное французским поэтом, кроме одной слишком религиозной, по мнению советских редакторов, баллады, чрезвычайно грубого фрагмента из "Баллады о толстухе

Марго" и нескольких баллад, написанных Вийоном на блатном языке. Основная заслуга, как выяснилось несколько позднее, в этом издании принадлежала, однако, не Эренбургу, а Мендельсону. Еще Вийона переводили Всеволод Рождественский, Валерий Перелешин, Сергей Петров, Алексей Парин, Юрий Корнеев, Елена Кассирова, - но понемногу, по несколько баллад. Полного же Вийона пересоздал на русском языке Юрий Кожевников. Трудно сказать, чьи переводы лучше. Лично мне больше по душе мендельсоновы. Во всяком случае, по-видимому, такого попадания поэта в переводчика и наоборот, как то произошло у Лозинского с Данте, или у Маршака с Бернсом, у Вийона ни с кем не случилось. И тем не менее русский Вийон существует, и здесь он так же бессмертен, как и в Европе.

Хочется скорее перейти к стихам, но закончить этот краткий очерк надо, вероятно, своеобразной связью двух лучших поэтов эпохи - Вийона и уже известного вам Шарля

Орлеанского. Когда последнего выкупили из английского плена (в 1441 г.), он удалился в свой замок Блуа на Луаре и сделал его центром культурной жизни Франции, местом поэтических турниров. Едва ли не самый знаменитый афоризм Вийона "От жажды умираю над ручьем" (точнее - возле колодца) на самом деле придумал Карл. Придумал и предложил всем состязующимся поэтам в качестве темы для разработки. Из полутора десятков вариантов лучшими оказались баллады Вийона и самого Карла.

Увы, при дворе опального монарха и дивного поэта Вийон тоже не прижился. Да и мог ли?

Такова уж была эта личность, чудесным образом совмещавшая в себе великого поэта и умницу с вором, разбойником и убийцей. Единственная в своем роде в истории литературы. Любопытнее всего, что, в отличие от, например, Шекспира, никто и никогда в реальности Вийона, при всех странностях его поведения, не сомневался. А иные даже и завидовали. Надо полагать, образ Вийона мерещился Есенину, когда тот писал следующие строки:

Если б не был бы я поэтом, Был, наверно, мошенник и вор.

Но как бы там ни было, а без Вийона французская и мировая поэзия определенно была бы неполной, ибо недоставало бы в ней самого яркого ее парадокса.

БАЛЛАДА О ДАМАХ БЫЛЫХ ВЕКОВ

Перевод Юрия Корнеева

Где Флора-римлянка сейчас?
Где рок, красу губящий рьяно,
Архипиаду скрыл от нас?
Ушла Таис в какие страны?
Где Эхо, чей ответ так странно
Звучал в безмолвье рощ и рек?
Где эти девы без изъяна? -
Где ныне прошлогодний снег?

Где Элоиза, с кем был раз
Застигнут Абельяр нежданно,
Из-за чего он и угас
Скопцом-монахом слишком рано?
Где королева, чья охрана
В мешок зашила и навек
Швырнула в Сену Буридана? -
Где ныне прошлогодний снег?

Где Бланш - сирены сладкий глас
И белая лилея стана?
Где Берта, мать того, кто спас
Французский край от басурмана?
Где слава лотарингцев Жанна,
Чьи дни английский кат пресек
В огне костра у стен Руана? -
Где ныне прошлогодний снег?

Принц, не придумано аркана,
Чтоб задержать мгновений бег.
К чему ж крушиться постоянно:
"Где ныне прошлогодний снег?"

ЖАЛОБЫ ПРЕКРАСНОЙ ОРУЖЕЙНИЦЫ

Перевод Ф. Мендельсона

Мне никогда не позабыть
Плач Оружейницы Прекрасной,
Как ей хотелось юной быть
И как она взывала страстно:
"О, увяданья час злосчастный!
Зачем так рано наступил?
Чего я жду? Живу напрасно,
И даже умереть нет сил!

Ведь я любого гордеца
Когда-то сразу покоряла,
Купца, монаха и писца,
И все, не сетуя нимало,
Из церкви или из кружала
За мной бежали по пятам,
Но я их часто отвергала,
Впадая в грех богатых дам.

Я чересчур была горда,
О чем жестоко сожалею,
Любила одного тогда
И всех других гнала в три шеи,
А он лишь становился злее,
Такую преданность кляня;
Теперь я знаю, став умнее:
Любил он деньги, не меня!

Но он держал меня в руках,
Моею красотой торгуя.
Упреки, колотушки, страх -
Я все прощала, боль люблю;
Бывало, ради поцелуя
Я забывала сто обид...
Доныне стервеца люблю я!
А что осталось? Грех и стыд.

Он умер тридцать лет назад,
И я с тоскою понимаю,
Что годы вспять не полетят
И счастья больше не узнаю.
Лохмотья ветхие снимая,
Гляжу, чем стала я сама:
Седая, дряхлая, худая...
Готова я сойти с ума!

Что стало с этим чистым лбом?
Где медь волос? Где брови-стрелы?
Где взгляд, который жег огнем,
Сражая насмерть самых смелых?
Где маленький мой носик белый,

Где нежных ушек красота
И щеки - пара яблок спелых,
И свежесть розового рта?

Где белизна точеных рук
И плеч моих изгиб лебяжий?
Где пышных бедер полукруг,
Приподнятый в любовном раже,
Упругий зад, который даже
У старцев жар будил в крови,
И скрытый между крепких ляжек
Сад наслаждений и любви?

В морщинах лоб, и взгляд погас,
Мой волос сед, бровей не стало,
Померкло пламя синих глаз,
Которым столько завлекала,
Загнулся нос кривым кинжалом,
В ушах - седых волос кусты,
Беззубый рот глядит провалом,
И щек обвисли лоскуты...

Вот доля женской красоты!
Согнулись плечи, грудь запала,
И руки скручены в жгуты,
И зад и бедра - все пропало!
И ляжки, пышные бывало,
Как пара сморщенных колбас...
А сад любви? Там все увяло.
Ничто не привлекает глаз.

Так сожалею о былом,
Старухи глупые, седые,
Сидим на корточках кружком,
Дни вспоминаем золотые, -
Ведь все мы были молодые,
Но рано огонек зажгли,
Сгорели вмиг дрова сухие,
И всех нас годы подвели!"

БАЛЛАДА ПРИМЕТ

Перевод Ильи Эренбурга

Я знаю, кто по-щегольски одет,
Я знаю, весел кто и кто не в духе,
Я знаю тьму крошечную и свет,
Я знаю - у монаха крест на брюхе,
Я знаю, как трезвонят завирухи,
Я знаю, врут они, в трубу трубя,
Я знаю, свахи кто, кто повитухи,
Я знаю все, но только не себя.

Я знаю летопись далеких лет,

Я знаю, сколько крох в сухой краюхе,
Я знаю, что у принца на обед,
Я знаю - богачи в тепле и в сухе,
Я знаю, что они бывают глухи,
Я знаю - нет им дела до тебя,
Я знаю все затрешины, все плюхи,
Я знаю все, но только не себя.

Я знаю, кто работает, кто нет,
Я знаю, как румянятся старухи,
Я знаю много всяческих примет,
Я знаю, как смеются потаскухи,
Я знаю - проведут тебя простухи,
Я знаю - пропадешь с такой, любя,
Я знаю - пропадают с голодухи,
Я знаю все, но только не себя.

Я знаю, как на мед садятся мухи,
Я знаю Смерть, что рыщет, все губя,
Я знаю книги, истину и слухи,
Я знаю все, но только не себя.

БАЛЛАДА ИСТИН НАИЗНАНКУ

Перевод Ильи Эренбурга

Мы вкус находим только в сене
И отдыхаем средь забот,
Смеемся мы лишь от мучений,
И цену деньгам знает мот.
Кто любит солнце? Только крот.
Лишь праведник глядит лукаво, Красоткам нравится урод,
И лишь влюбленный мыслит здраво.

Лентяй один не знает лени,
На помощь только враг придет,
И постоянство лишь в измене.
Кто крепко спит, тот стережет,
Дурак нам истину несет,
Труды для нас - одна забава,
Всего на свете горше мед,
И лишь влюбленный мыслит здраво.

Кто трезв, тем море по колени,
Хромой скорее всех дойдет,
Фома не ведает сомнений,
Весна за летом настает,
И руки обжигает лед.
О мудреце дурная слава,
Мы море переходим вброд,
И лишь влюбленный мыслит здраво.

Вот истины наоборот:
Лишь подлый душу бережет,
Глупец один рассудит право,
Осел достойней всех поет,
И лишь влюбленный мыслит здраво.

ЭПИТАФИЯ ВИЙОНА (БАЛЛАДА ПОВЕШЕННЫХ) (ЭПИТАФИЯ, НАПИСАННАЯ ВИЙОНОМ ДЛЯ НЕГО И ЕГО ТОВАРИЩЕЙ В ОЖИДАНИИ ВИСЕЛИЦЫ)

Перевод Ильи Эренбурга

Ты жив, прохожий. Погляди на нас.
Тебя мы ждем не первую неделю.
Гляди - мы выставлены напоказ.
Нас было пятеро. Мы жить хотели.
И нас повесили. Мы почернели.
Мы жили, как и ты. Нас больше нет.
Не вздумай осуждать - безумны люди.
Мы ничего не возразим в ответ.
Взглянул и помолился, а бог рассудит.
Дожди нас били, ветер тряс и тряс,
Нас солнце жгло, белили нас метели.
Летали вороны - у нас нет глаз.
Мы не посмотрим. Мы бы посмотрели.
Ты посмотри - от глаз остались щели.
Развеет ветер нас. Исчезнет след.
Ты осторожней нас живи. Пусть будет

Твой путь другим. Но помни наш совет:
Взглянул и помолился, а бог рассудит.
Господь простит - мы знали много бед.
А ты запомни - слишком много судей.
Ты можешь жить - перед тобою свет,
Взглянул и помолился, а бог рассудит.

ЭПИТАФИЯ

Перевод Ф. Мендельсона

Здесь крепко спит в земле сырой,
Стрелой Амура поражен,
Школяр, измученный судьбой,
Чье имя - Франсуа Вийон.
Своим друзьям оставил он
Все, что имел на этом свете.
Пусть те, кто был хоть раз влюблен,
Над ним читают строки эти:

РОНДО (ВЕРСЕТ)

Да внидет в рай его душа!
Он столько горя перенес,
Безбров, безус и безволос,

Голее камня-голыша,
Не накопил он ни гроша
И умер, как бездомный пес...
Да внидет в рай его душа!

Порой, на господу греша,
Взывал он: "Где же ты, Христос?"
Пинки под зад, тычки под нос
Всю жизнь, а счастья - ни шиша!
Да внидет в рай его душа!

И в качестве последнего примера три версии знаменитой "Баллады поэтического состязания в Блуа" в переводе Алексея Парина, сочиненные Жаном Робертэ, Карлом Орлеанским и Франсуа Вийоном. Мы помним, что первая строчка сочинена и предложена для состязания другим поэтам Карлом Орлеанским.

Жан Робертэ:

Над родником от жажды умираю,
Мне сладко то, что горьким должно быть,
К внушающим вражду любовь питаю,
Вражду с теми, коих след любить,
Хвалю всех тех, которых след хулить,
Я зло охотней, чем добро, приму,
Ищу того, чего искать напрасно,
Не верю в то, что ведомо уму,
Уверен в том, в чем сомневаюсь страстно.

С оскоминой усладу я вкушаю,
Глоток, как море, может утолить,
Я близким удаленное считаю,
Не трону то, что должно надломить,
Насыщен тем, что склонно глад будить,
Я всем богат и ничего нейму,
Забуду то, что помню ежечасно,
К тому, кто дарит волю, рвусь в тюрьму,
Уверен в том, в чем сомневаюсь страстно.

Дурным высокий помысл объявляю,
Бегу от тех, кого мне след просить,
Тянусь не к умнику, а к шалопаю,
Я холоден - но жар горазд хранить,
Вполне здоров - и вдруг начнет тошнить,
Не чту своим, что положил в суму,
Глупца повадка для меня прекрасна,
Чем дорожить мне, в толк я не возьму,
Уверен в том, в чем сомневаюсь страстно.

Принц, все имею - сколько, не пойму,
Влеку к себе, чего желать опасно,
Что прочь гоню, то селится в дому;
Уверен в том, в чем сомневаюсь страстно.

Карл Орлеанский:

Над родником от жажды умираю.
Я сам слепой, но в путь других веду.
Не то иззяб, не то в жару сгораю.
На взгляд дурак, а мудрых обойду.
Ленив, а льну к высокому труду.
Таков мой в жизни путь неотвратимый,
В добре и зле Фортуною хранимый.

День выиграю - десять проиграю.
Смеюсь и радуюсь, попав в беду.
В скорбях остатки силы собираю.
Печалюсь, часов счастливых жду.
Мне все претит - все манит, как в бреду.
В день счастья мается мой ум ранимый,
В добре и зле Фортуною хранимый.

Я говорлив, но надолго смолкаю.
Пуглив, но на испуг нашел узду.
Печали на услады навлекаю.
Я в прах паду, но все ж не пропаду.
Сквозь слезы вижу я мою звезду.
Я здоров - и хворью взят неизлечимой,
В добре и зле Фортуною хранимый.
Принц, я веду у всех вас на виду
Печалей и веселий череду.
Поры ль дождусь, лишь радостью сладимый,
В добре и зле Фортуною хранимый.

Франсуа Вийон:

Над родником от жажды умираю,
Как жар, горяч - и как щенок, дрожу.
Свой край родной чужбиной называю
И зябну, коль на угольях лежу.
Гол как сокол, а гоголем хожу.
В слезах смеюсь и жду, хоть ждать не след.
Восторг и радость черпаю из бед.
От горя рот растянут до ушей.
Я верх беру, не ведая побед.
Мне всюду рады, все меня взашей.

Сполна лишь зыбкой дымке доверяю
И лишь во тьме предметы разгляжу.
Я только в верных веру и теряю
И в болтовне ученость нахожу.
Я выигрыш в руках не удержу.
Я ночи жду, коль на востоке свет.
Упасть боюсь, а сам - червям сосед.
Нет ни гроша, хоть слышен звон грошей,
Наследства жду, хоть родственников нет.
Мне всюду рады, все меня взашей.

Все трын-трава мне, чаянье питаю

Найти подход к большому платежу.
Я благозвучным вой котов считаю,
Считаю крайне искренним ханжу.
Я только с тем навеки и дружу,
Кто называет черным белый цвет.
Мне тот помог, кем я в ночи раздет.
Мне все едино - ложь ли, правду шей.
На всех плюю, блюду любой совет.
Мне всюду рады, все меня взашей.

О принц, вниманьем вашим я согрет.
Что слышал я? Неведом мне ответ.
Я глух, но лучше всяких сторожей.
Чем я живу? Надежды ярок свет.
Мне всюду рады, все меня взашей.

В заключение предлагаю вам прочесть маленькое блестящее эссе о Вийоне Осипа Мандельштама, в котором замечательно прослежено происхождение первого французского поэта нового времени из самых недр готического средневековья. Оригинал электронной версии текста размещен в библиотеке М. Мошкова: www.lib.ru

Осип МАНДЕЛЬШТАМ

I. Франсуа Виллон

Астрономы точно предсказывают возвращение кометы через большой промежуток времени. Для тех, кто знает Виллона, явление Верлена представляется именно таким астрономическим чудом. Вибрация этих двух голосов поразительно сходная. Но кроме тембра и биографии, поэтов связывает почти одинаковая миссия в современной им литературе. Обоим суждено было выступить в эпоху искусственной, оранжерейной поэзии, и, подобно тому как Верлен разбил *serres chaudes* <Теплицы (фр.) - намек на сборник стихов М. Метерлинка "Теплицы" (1889).> символизма, Виллон бросил вызов могущественной риторической школе, которую с полным правом можно считать символизмом XV века. Знаменитый "Роман о Розе" построил непроницаемую ограду, внутри которой продолжала сгущаться тепличная атмосфера, необходимая для дыхания аллегорий, созданных этим романом. Любовь, Опасность, Ненависть, Коварство - не мертвые отвлеченности. Они не бесплотны. Средневековая поэзия дает этим призракам как бы астральное тело и нежно заботится об искусственном воздухе, столь необходимом для поддержания их существования. Сад, где живут эти своеобразные персонажи, обнесен высокой стеной. Влюбленный, как повествует начало "Романа о Розе", долго ходил вокруг этой стены в тщетных поисках незаметного входа.

Поэзия и жизнь в XV веке - два самостоятельных и враждебных измерения. Трудно поверить, что метр Аллен Шартье подвергся настоящему гонению и терпел житейские неприятности, вооружив тогдашнее общественное мнение слишком суровым приговором над Жестокой Дамой, которую он утопил в колодце слез, после блестящего суда, с соблюдением всех тонкостей средневекового судопроизводства. Поэзия XV века автономна: она занимает место в тогдашней культуре, как государство в государстве. Вспомним Двор Любви Карла VI; разнообразные должности охватывают 700 человек, начиная от высшей синьории, кончая низшими буржуа и низшими клериками. Исключительно литературный характер этого учреждения объясняет пренебрежение к сословным перегородкам. Гипноз литературы был настолько силен, что члены подобных ассоциаций разгуливали по улицам, украшенные зелеными венками - символом влюбленности, - желая продлить литературный сон в действительности.

II

Франсуа Монкорбье (де Лож) родился в Париже в 1431 году, во время английского владычества. Нищета, окружавшая его колыбель, сочеталась с народной бедой и, в частности, с бедой столицы. Можно было ожидать, что литература того времени будет исполнена патриотического пафоса и жажды мести за оскорбленное достоинство нации. Между тем ни у Виллона, ни у его современников мы не найдем таких чувств. Франция, полоненная чужеземцами, показала себя настоящей женщиной. Как женщина в плену, она отдавала главное внимание мелочам своего культурного и бытового туалета, с любопытством присматриваясь к победителям. Высшее общество, вслед за своими поэтами, по-прежнему уносилось мечтой в четвертое измерение Садов Любви и Садов Отрады, а для народа по вечерам зажигались огни таверны и в праздники разыгрывались фарсы и мистерии.

Женственно-пассивная эпоха наложила глубокий отпечаток на судьбу и характер Виллона. Через всю свою беспутную жизнь он пронес непоколебимую уверенность, что кто-то должен о нем заботиться, ведать его дела и выручать его из затруднительных положений. Уже зрелым человеком, брошенный епископом Орлеанским в подвал темницы Meung sur Loire <Мен-сюр-Луар (фр.)>, он жалобно взывает к своим друзьям: "Le laisserez-vous la, le pauvre Villon?.." <Неужели вы бросите здесь бедного Вийона?.. (фр.) - Из стихотворения Ф. Вийона "Послание к друзьям".> Социальная карьера Франсуа Монкорбье началась с того, что его взял под опеку Гильом Виллон, почтенный каноник монастырской церкви Saint-Benoit le Bestoume <Сен-Бенуаде де Бетурне(фр.)>.

По собственному признанию Виллона, старый каноник был для него "больше чем матерью". В 1449 году он получает степень бакалавра, в 1452-м - лиценциата и метра. "О господи, если бы я учился в дни моей безрассудной юности и посвятил себя добрым нравам - я получил бы дом и мягкую постель. Но что говорить! Я бежал из школы, как лукавый мальчишка: когда я пишу эти слова - сердце мое обливается кровью". Как это ни странно, метр Франсуа Виллон одно время имел несколько воспитанников и обучал их, как мог, школьной премудрости. Но, при свойственном ему честном отношении к себе, он сознавал, что не вправе титуловаться метром, и предпочел в балладах называть себя "бедным маленьким школяром". Да и особенно трудно было заниматься Виллону, так как, будто нарочно, на годы его учения выпали студенческие волнения 1451-1453 годов. Средневековые люди любили считать себя детьми города, церкви, университета... Но "дети университета" исключительно вошли во вкус шалостей. Была организована героическая охота за наиболее популярными вывесками парижского рынка. Олень должен был повенчать Козу и Медведя, а Попугая предполагали поднести молодым в подарок. Студенты похитили пограничный камень из владений Mademoiselle la Bryuere <М-ль Брюер (фр.)>, водрузили его на горе св. Женевьевы, назвав la Vesse <Бздѣх (фр.) - простонародное выражение.>, и, силой отбив от властей, прикрепили к месту железными обручами. На круглый камень поставили другой, продолговатый - "Pet au Diable" <Букв: "Пуканье дьяволу" (фр.)> и поклонялись им по ночам, осыпав их цветами, танцуя вокруг под звуки флейт и тамбуринов. Взбешенные мясники и оскорбленная дама затеяли дело. Прево Парижа объявил студентам войну. Столкнулись две юрисдикции - и дерзкие сержанты должны были на коленях, с зажженными свечами в руках, просить прощения у ректора. Виллон, несомненно стоявший в центре этих событий, запечатлел их в не дошедшем до нас романе "Pet au Diable".

III

Виллон был парижанин. Он любил город и праздность. К природе он не питал никакой нежности и даже издевался над нею. Уже в XV веке Париж был тем морем, в котором можно было плавать, не испытывая скуки и позабыв об остальной вселенной. Но как легко натолкнуться на один из бесчисленных рифов праздного существования! Виллон становится убийцей. Пассивность его судьбы замечательна. Она как бы ждет быть оплодотворенной случаем, все равно - злым или добрым. В нелепой уличной драке Виллон тяжелым камнем убивает священника Шермуа. Приговоренный к повешению, он апеллирует и, помилованный, отправляется в изгнание. Бродяжничество окончательно расшатало его нравственность, сблизив его с преступной бандой la Coquille <"Раковина" (фр.) - название

известной шайки разбойников. Ряд стихотворений Ф. Вийона написан на воровском жаргоне.>, членом которой он становится. По возвращении в Париж он участвует в крупном воровстве в College de Navarre <Коллеж де Наварр (фр.) - название учебного заведения.> и немедленно бежит в Анжер - из-за несчастной любви, как он уверяет, на самом же деле для подготовки ограбления своего богатого дяди. Скрываясь с парижского горизонта, Виллон публикует "Petit Testament" <"Малое завещание" (фр.)>. Затем следуют годы беспорядочного скитания, с остановками при феодальных дворах и тюрьмах. Амнистированный Людовиком XI 2 октября 1461 года, Виллон испытывает глубокое творческое волнение, его мысли и чувства становятся необычайно острыми, и он создает "Grand Testament" <"Большое завещание" (фр.) - основное произведение Ф. Вийона (впервые издано в 1489 г.)> - свой памятник в веках. В ноябре 1463 года Франсуа Виллон был созерцательным свидетелем убийства на улице Saint Jaques <Сен-Жак.>. Здесь кончаются наши сведения о его жизни и обрывается его темная биография.

IV

Жесток XV век к личным судьбам. Многих порядочных и трезвых людей он превратил в Иовов, ропщущих на дне своих смрадных темниц и обвиняющих Бога в несправедливости. Создался особый род тюремной поэзии, проникнутой библейской горечью и суровостью, насколько она доступна вежливой романской душе. Но из хора узников резко выделяется голос Виллона. Его бунт больше похож на процесс, чем на мятеж. Он сумел соединить в одном лице истца и ответчика. Отношение Виллона к себе никогда не переходит известных границ интимности. Он нежен, внимателен, заботлив к себе не более, чем хороший адвокат к своему клиенту. Самосострадание - паразитическое чувство, тлетворное для души и организма. Но сухая юридическая жалость, которой дарит себя Виллон, является для него источником бодрости и непоколебимой уверенности в правоте своего "процесса". Весьма безнравственный, "аморальный" человек, как настоящий потомок римлян, он живет всецело в правовом мире и не может мыслить никаких отношений вне подсудности и нормы. Лирический поэт по природе своей - двуполое существо, способное к бесчисленным расщеплениям во имя внутреннего диалога. Ни в ком так ярко не сказался этот "лирический гермафродитизм", как в Виллоне. Какой разнообразный подбор очаровательных дуэтов: огорченный и утешитель, мать и дитя, судья и подсудимый, собственник и нищий...

Собственность всю жизнь манила Виллона, как музыкальная сирена, и сделала из него вора... и поэта. Жалкий бродяга, он присваивает себе недоступные ему блага с помощью острой иронии.

Современные французские символисты влюблены в вещи, как собственники. Быть может, самая "душа вещей" не что иное, как чувство собственника, одухотворенное и облагороженное в лаборатории последовательных поколений. Виллон отлично сознавал пропасть между субъектом и объектом, но понимал ее как невозможность обладания. Луна и прочие нейтральные "предметы" бесповоротно исключены из его поэтического обихода. Зато он сразу оживает, когда речь заходит о жареных под соусом утках или о вечном блаженстве, присвоить себе которое он никогда не теряет окончательной надежды. Виллон живописует обворожительный *interieur* в голландском вкусе, подглядывая в замочную скважину.

V

Симпатия Виллона к подонкам общества, ко всему подозрительному и преступному - отнюдь не демонизм. Темная компания, с которой он так быстро и интимно сошелся, пленила его женственную природу большим темпераментом, могучим ритмом жизни, которого он не мог найти в других слоях общества. Нужно послушать, с каким вкусом рассказывает Виллон в "Ballade de la grosse Margot" <"Баллада о толстой Марго" (фр.)> о профессии сутенера, которой он, очевидно, не был чужд: "Когда приходят клиенты, я схватываю кувшин и бегу за вином". Ни обескровленный феодализм, ни новоявленная буржуазия, с ее тяготением к фламандской тяжести и важности, не могли дать исхода огромной динамической способности, каким-то чудом накопленной и сосредоточенной в парижском клерке. Сухой и черный, безбровый, худой, как Химера, с головой, напоминавшей, по его собственному признанию, очищенный и поджаренный орех, пряча шпагу в полуженском одеянии студента, - Виллон жил в Париже как белка в колесе, не зная ни минуты покоя. Он любил в себе хищного, сухопарого зверька и дорожил своей потрепанной шкуркой: "Не правда ли, Гарнье, я хорошо сделал, что апеллировал, - пишет он своему прокурору, избавившись от виселицы, - не каждый зверь сумел бы так выкрутиться". Если б Виллон в состоянии был дать свое поэтическое credo, он, несомненно, воскликнул бы, подобно Верлену: *Du mouvement avant toute chose!* <"Движение - прежде всего!" (фр.) (У П. Верлена в "Art poétique": "Музыка - прежде всего!")>

Могущественный визионер, он грезит собственным повешением накануне вероятной казни. Но, странное дело, с непонятным ожесточением и ритмическим воодушевлением изображает он в своей балладе, как ветер раскачивает тела несчастных, туда-сюда, по произволу... И смерть он наделяет динамическими свойствами и здесь умудряется проявить любовь к ритму и движению... Я думаю, что Виллона пленил не демонизм, а динамика преступления. Не знаю, существует ли обратное отношение между нравственным и динамическим развитием души? Во всяком случае, оба завещания Виллона, и большое и малое - этот праздник великолепных ритмов, какого до сих пор не знает французская поэзия, - неизлечимо аморальны. Жалкий бродяга дважды пишет свое завещание, распределяя направо и налево свое мнимое имущество, как поэт иронически утверждая свое господство над всеми вещами, какими ему хотелось бы обладать: если душевные переживания Виллона, при всей оригинальности, не отличались особой глубиной, - его житейские отношения, запутанный клубок знакомств, связей, счетов, представляли комплекс гениальной сложности. Этот человек ухитрился стать в живое, насущное отношение к огромному количеству лиц самого разнообразного звания, на всех ступенях общественной лестницы - от вора до епископа, от кабатчика до принца. С каким наслаждением рассказывает он их подноготную! Как он точен и меток! "Testaments" Виллона пленительны уже потому, что в них сообщается масса точных сведений. Читателю кажется, что он может ими воспользоваться, и он чувствует себя современником поэта. Настоящее мгновение может выдержать напор столетий и сохранить свою целостность, остаться тем же "сейчас". Нужно только уметь вырвать его из почвы времени, не повредив его корней, - иначе оно завянет. Виллон умеет это делать. Колокол Сорбонны, прервавший его работу над "Petit Testaments", звучит до сих пор.

Как принцы трубадуров, Виллон "пел на своей латыни": когда-то, школяром, он слышал про Алкивиада - и в результате незнакомка Archipiade примыкает к грациозному шествию Дам былых времен.

VI

Средневековье цепко держалось за своих детей и добровольно не уступало их Возрождению. Кровь подлинного средневековья текла в жилах Виллона. Ей он обязан своей цельностью, своим темпераментом, своим духовным своеобразием. Физиология готики - а такая была, и средние века именно физиологически-гениальная эпоха - заменила Виллону мировоззрение и с избытком вознаградила его за отсутствие традиционной связи с прошлым. Более того - она обеспечила ему почетное место в будущем, так как XIX век французской поэзии черпал свою силу из той же национальной сокровищницы - готики. Скажут: что имеет общего великолепная ритмика "Testaments", то фокусничающая, как бильбоке, то замедленная, как церковная кантилена, с мастерством готических зодчих? Но разве готика не торжество динамики? Еще вопрос, что более подвижно, более текуче - готический собор или океанская зыбь? Чем, как не чувством архитектоники, объясняется дивное равновесие строфы, в которой Виллон поручает свою душу Троице через Богоматерь - *Chambre de la Divinite* <Букв: "Приют Божества" (фр.) - определение Богоматери ("Большое завещание", LXXXV).> - и девять небесных легионов. Это не анемичный полет на восковых крылышках бессмертия, но архитектурно обоснованное восхождение, соответственно ярусам готического собора. Кто первый провозгласил в архитектуре подвижное равновесие масс и построил крестовый свод - гениально выразил психологическую сущность феодализма. Средневековый человек считал себя в мировом здании столь же необходимым и связанным, как любой камень в готической постройке, с достоинством выносящий давление соседей и входящий неизбежной ставкой в общую игру сил. Служить не только значило быть деятельным для общего блага. Бессознательно средневековый человек считал службой, своего рода подвигом, неприкрашенный факт своего существования. Виллон, последыш, эпигон феодального мироощущения, оказался невосприимчив к его этической стороне, круговой поруке. Устойчивое, нравственное в готике было ему вполне чуждо. Зато, равнодушный к динамике, он возвел ее на степень аморализма. Виллон дважды получал отпускные грамоты - *lettres de remission* - от королей: Карла VII и Людовика XI. Он был твердо уверен, что получит такое же письмо от Бога, с прощением всех своих грехов. Быть может, в духе своей сухой и рассудочной мистики он продолжил лестницу феодальных юрисдикций в бесконечность и в душе его смутно бродило дикое, но глубоко феодальное ощущение, что есть Бог над Богом...

"Я хорошо знаю, что я не сын ангела, венчанной диадемой звезды или другой планеты", - сказал о себе бедный парижский школьник, способный на многое ради хорошего ужина.

Такие отрицания равноценны положительной уверенности.

Французская литература второй половины XV века

Вслед за поэзией во второй половине XV в. оживает новеллистика, вообще ставшая в эпоху Возрождения одним из ведущих жанров. Появляются первые сборники рассказов в духе "Декамерона". Еще в первой половине столетия известность получил сборник "Пятнадцать радостей брака" - собрание забавных историй о проделках коварных жен над легковверными мужьями. Книжка и сегодня интересна читателю прежде всего бытовыми зарисовками, живыми остроумными диалогами, а временами и очерками характеров.

В середине века при дворе бургундского герцога Филиппа Доброго возник сборник "100 новых новелл". По всей вероятности, в создании книжки принимал участие знаменитый автор эпохи Антуан де Ла Саль (1388 - 1461). Сборник составлен на основе французского фавлю, кое-что в нем восходит к Боккаччо, Поджо Браччолини и Саккетти. Основные темы - проделки монахов и любовные истории. Языком этого сборника восхищался Анатоль Франс.

Что же до самого Ла Салья, он был побочным сыном рыцаря-авантюриста, прошел рыцарскую выучку, жил при дворе Рене Анжуйского в Италии, а двор этот представлял собой смесь идеалов рыцарства и итальянского гуманизма. В 1436 г. Ла Саль становится воспитателем сына короля, пишет для него трактат о воспитании государя. Его проза - некая помесь дидактики с бытовыми зарисовками и пересказом легенд и исторических событий, язык ее прост и гибок. Наиболее известные вещи Ла Салья - роман "Маленький Жан де Сентре" и книга "Утешение для госпожи Дю Фрэн" - произведение, отдаленно напоминающее "Опыты" Монтеня. Роман "Маленький Жан..." - на 3/4 дидактика по поводу воспитания воинской доблести и куртуазного отношения к даме, геральдики и рыцарских турниров. В основе его конфликт между куртуазными рыцарскими идеалами и представлениями крепнущей буржуазии. Вообще к этому времени рыцарский роман начинает, как сейчас детектив и фантастика, вырождаться просто в чтиво. В этом плане одно из первых мест в конце века занимает анонимный "Роман о Жане Парижанине". Это книга с несложным сюжетом о сватовстве французского королевича, путешествующего инкогнито, к испанской принцессе. Он завоевывает ее не столько благородством и титулом, сколько богатством и личным обаянием, чем и подчеркивается современность книги, если и не прославляющей, то принимающей идеалы нового класса с его, с одной стороны, властью денег, с другой - гуманистической направленностью. Тон романа жизнерадостен и праздничен.

Во второй половине века работает знаменитый историк Филипп де Коммин (1447 - 1511). В его книге мы видим уже не историю турниров и поединков, как было в прошлом столетии у Фруассара, но бедствия войны, трагизм жизни и смерти. И - главное - попытку задуматься о ходе истории в целом, попытку создать свою философию истории. Коммин зарождает во Франции новую историографию. Он, разумеется, монархист, как и почти все французы этой эпохи. Но в целом этот период культуры скорее можно охарактеризовать как городской, народный, вийоновский, фарсовый, то есть обращенный к частной жизни горожанина.

Сказав "фарсовый", я тем самым напомнил вам об основе французской средневековой, а значит и ренессансной культуры - народном театре. Фарс же очень любили и сочиняли не только безвестные драматурги, но и крупнейшие авторы эпохи: Рабле, Маргарита Наваррская, Клеман Маро. Именно фарс в соединении с ученой гуманистической комедией в свое время даст вершину французского и одну из вершин мирового театра - творчество Мольера.

В конце XV - начале XVI века начинается французский гуманизм, открываются так называемые эллинистические штудии, первоначально возглавляемые итальянцами и греками-эмигрантами. Основатели парижской типографии (1470) - профессора Сорбонны Жан де Ля Пьер и Гийом Фоше печатали латинских авторов от Цицерона до Лоренцо Валлы. К концу XV в. во Франции работали уже десятки типографий, где подвизались многие гуманисты. Именно там зародилось движение Реформации, сыгравшее немалую роль в судьбе католической страны.

Назову имена крупнейших гуманистов: Жак Лефевр д'Эгиль (1450 - 1536), богослов и ученый, отредактировавший тексты Аристотеля и Библии; его друг Гийом Брисонне (1472 - 1534) - аналитик Нового Завета. Оба они едва не погибли под ударами ортодоксальной церкви и спаслись лишь благодаря заступничеству Маргариты Наваррской.

Жан Кальвин начинал как ученый-латинист, вынужденно эмигрировавший в Швейцарию. Там этот гений новой церкви создал по своей модели теократическое государство. Больших успехов гуманизм добился во время правления Франциска I (1515 - 1547), ибо король лично поддерживал гуманистов.

Жоффруа Тори (1480 - 1533) совершает переворот в издательском деле, отказавшись от готического шрифта и по сути создав новый тип французской ренессансной книги, которую довели до совершенства его продолжатели Симон де Корин и семейство Этьенов.

В 1530 г. был создан Коллеж де Франс - институт классической филологии, где работали виднейшие гуманисты: Жан Туссен, Франсуа Ватабль, Бартеlemi Ле Масон, Оронс Фине.

Ученый Гийом Бюде (1468 - 1540) поднял филологию на истинно ренессансную высоту. Он переписывался с Эразмом и другими европейскими гуманистами, перевел Плутарха, создал ряд энциклопедических трудов.

У блестящего латиниста Тирако учился молодой Рабле. Вообще латинистов было множество, даже создавался кружок талантливых поэтов в Лионе, среди которых были такие замечательные авторы, как Морис и Гийом Севы, Жан Визажье, Этьен Доле, Жильбер Дюше, Антуан Дюмулен, Никола Бурбон. Основные темы их лирики: радость любви, размышления о жизни и природе. Лучшие книги авторов: сборники Н. Бурбона "Безделицы" и Ж. Визажье "Эпиграммы".

"Современным Горацием" называли блестящего латинского поэта Жана Сальмона Магерена, темой которого был новый человек новой Европы. Все названные авторы как бы предвосхищают появление "Плеяды".

Теперь чуть-чуть подробнее о некоторых из них.

Наиболее талантливым и радикальным мыслителем эпохи, наряду с Рабле, конечно, был Бонавантюр Деперье (1510 - 1544), прославившийся прежде всего сборником новелл "Новые забавы". Деперье был по убеждениям протестантом и примыкал к кружку Маргариты Наваррской. Последняя - родная сестра короля Франциска I, получившая прекрасное образование, наделенная разнообразными дарованиями и всю жизнь не расстававшаяся с книгами, метавшаяся между католицизмом и протестантизмом, помогавшая брату в управлении государством и вообще бывшая личностью безусловно яркой и неоднозначной. Но для культуры, может быть, не столь значительными оказались ее собственные сочинения, хотя "Гептамерон" прочно входит в историю мировой литературы, сколь ее отношение к писателям и поэтам, ее помощь им, ее кружки, салоны и тому подобные организации очагов культуры. Впрочем, о Маргарите мы еще скажем ниже, а здесь вернемся к Деперье.

Наиболее значительный его труд - сборник из четырех философских диалогов "Кимвал Мира", разумеется, сразу же осужденный церковью. Автор вынужден был бежать из Франции, после чего следы его совершенно теряются. Предполагают, что в припадке отчаяния он покончил с собой.

Деперье был весьма недурным поэтом, и в этом качестве я вам его и представлю стихотворением "Любовь" в переводе Ал. Ревича.

Вышел на праздник
Юный проказник,
Без упоенья и слез,
В день изобилья
Новые крылья
Сплел он из лилий и роз.

Сладости любит,
Но лишь пригубит -
Вмиг улетает, пострел,

В этой снующей
Праздничной гуще
Мечет он молнии стрел.

Сколько ни встретит,
В каждого метит,
В сердце стремится попасть.
Лучник умелый
Шлет свои стрелы,
Яд их погибельный - страсть.

Смех твой - награда
Тем, кто от яда
Гибнет, печаль затая.
Мальчик жестокий!
Наши упреки
Мать услышала твоя.

Взор ее строгий
В смутной тревоге
Ищет тебя на лугу,
В дикорастущих
Чащах и пущах,
В праздничном шумном кругу.

С середины 30-х гг. гуманизм и литература во Франции становятся, пожалуй, настоящими властителями дум, вспыхивает звезда публицистики и являет миру двух крупнейших писателей: Клемана Маро и Франсуа Рабле.

Клеман Маро (1496 - 1544) родился в южно-французском городе Кагоре в семье поэта-риторика Жана Моро, закончил школу при Парижском университете, овладел дворянскими науками фехтования и верховой езды, одно время занимался юриспруденцией, в 10-х гг. приходит в поэзию переводом вергилиевой эклоги. В 1519 г. поступает на службу к Маргарите Наваррской, где становится последовательным кальвинистом. Маро - автор многочисленных стихотворных посланий в кружке Маргариты. В 1526 г. он переходит на службу ко двору Франциска и здесь создает многочисленные мадригалы и любовные стихи. Опираясь на песенную традицию, Маро создает простые и очень обаятельные элегии и рондо.

Послания, однако, занимают в его творчестве центральное место. В них, написанных отличными стихами, читатель находит и рассуждения, и новеллы, и басни, и сатиры. Маро высоко ценил творчество Вийона и в собственной работе использовал его достижения.

В 1526 г., узнав ярость властей и тюрьму, опалу, сражения в бою (Итальянский поход), неоднократную эмиграцию, Маро пишет поэму "Ад" - одно из крупнейших достижений ренессансной сатиры, где разоблачает тюремные нравы и беззакония суда. Во время своих бегств в Италию он переводит сначала овидиевы "Метаморфозы", затем его же "Скорбные элегии". Здесь же он знакомится с поэзией Петрарки и сам начинает писать сонеты. И, несмотря на то что Маро хорош и как поэт подлинный в любом жанре, истинный король он - в гуманистической публицистике и сатире. В 1536 г., вернувшись в Лион, он пишет одну из лучших своих сатир "Фрипелип, слуга Маро, Сагону". Через два года создает перевод псалмов, тем самым подготовив расцвет жанра оды. Псалмы были с восторгом встречены гугенотами и, соответственно, вызвали реакцию властей, вновь заставившую автора бежать. На сей раз в Женеву, к Кальвину. Увы, свободолюбивый поэт и там не прижился, ибо ему органически чужда была всякая нетерпимость. Вновь Италия, патриотические стихи, насыщенные вечной эмигрантской ностальгией, планы монументальных поэм - и смерть 1544 г. в Турине. К творчеству Маро восходят истоки целого ряда жанров,

распространившихся во Франции значительно позднее - в XVII и даже XVIII вв. И среди обязанных ему потомков можно с полным на то основанием назвать и Ренье, и Лафонтена, и самого Вольтера.

Приведу здесь несколько стихотворений Маро в переводах Ю. Корнеева, но начну все-таки с пушкинского перевода стихотворения "**О самом себе**".

Уж я не тот любовник страстный,
Кому дивился прежде свет:
Моя весна и лето красно
Навек прошли, пропал и след.
Амур, бог возраста молодого!
Я твой служитель верный был;
Ах, если б мог родиться снова,
Уж так ли б я тебе служил!

"Да" и "нет"

Хочу, чтоб вы, когда я вас целую,
Твердили "нет" с улыбкою, но строго:
Ведь слыша "да", вас упрекнуть могу я,
Что вы наговорили слишком много.
Не полагайте только, ради Бога,
Что цвет любви ненужен стал мне вдруг,
И все ж, отнюдь не корча недотрогу,
Шепчите: "Нет, он не про вас, мой друг!"

Аббат и его слуга

С хозяином слуга аббата схож
Так, что порою различить их трудно;
Бесчинство любит этот, тот - дебош;
Тот шутит непристойно, этот - блудно;
Тот пьет мертвецки, этот беспробудно.
Лишь вечером идет у них война:
Аббат боится, что во время сна
Умрет, коль ночью глотку не промочит,
Слуга ж, пока хоть капля есть вина,
Упорно отойти ко сну не хочет.

Против той, кто была подругой поэта

Когда я в пост, повздорив с милой,
Ревнивый бросил ей упрек,
Со зла красавица решила,
Что дать мне следует урок,
И вот она, не чуя ног,
Спешит с доносом на того,
Кто за нее костями бы лег:
"Он сало ел. Хватай его!"

Так эта весть святош взбесила,
Что через самый краткий срок
Явились стражники-верзилы
Меня упрятать под замок,
И толстый их сержант изрек
С порога дома моего:

"Вот он, Клеман, убей нас Бог!
Он сало ел. Хватай его!"

Хоть всякое со мною было,
Такого все ж я ждать не мог!
В тюрьму злодейка посадила
Меня за сущий пустячок,
Хоть не пойму, какой ей прок
Лишаться друга своего,
Властям духовным дав намек:
"Он сало ел. Хватай его!"

Посылка Принц, только та, чей нрав жесток,
В чьем сердце злость и ханжество,
Шепнуть способна под шумок:
"Он сало ел. Хватай его!"

Брат Любен

Обитель бросив на день целый -
Пускай себе брюзжит приор, -
Скакать в Париж как угорелый, -
Тут брат Любен на дело скор;
Но жить страстям наперекор
И, как Писание велело,
Не устремлять к соблазну взор, -
Тут брат Любен не скор на дело.

Содрать у человека смело,
Коль тот, бедняга, не хитер,
Последнюю рубаху с тела, -
Тут брат Любен на дело скор;
Но устыдиться клички "вор"
И в пользу жертвы оскуделой
Отдать хоть часть того, что спер, -
Тут брат Любен не скор на дело.

Искусней сводни закоснелой
Внушать, что блуд не есть позор,
Девице юной и незрелой, -
Тут брат Любен на дело скор;
Громит он пьянство с давних пор,
Но пусть, коль жажда одолела,
Пьет воду пес его Трезор, -
Тут брат Любен не скор на дело.

Посылка Посеять зло, разжечь раздор -
Тут брат Любен на дело скор;
Но ближнему помочь умело -
Тут брат Любен не скор на дело.

Истинным энциклопедистом этого времени во Франции был Меллен де Сен-Желе (1487 - 1558): математик, философ, медик, астролог, полиглот, музыкант. Он сочинял недурные стихи, но во всех своих талантах оставался все же дилетантом. Придворный, светский человек, любимый поэт Франциска и его библиотекарь в Фонтенбло, он был ярим

католиком, монархистом, консерватором и в историю литературы вошел прежде всего как противник Маро и гонитель юных поэтов "Плеяды", а затем уж как проводник итальянских вкусов во Францию.

Приведу одно его стихотворение в переводе О. Румера для того чтобы вы могли сравнить его с г"Да" и "нет"х Маро. Это разработка одной и той же галантной темы, но с совершенно, принципиально разных этических позиций.

Ревность

Глаза и рот ваш целовать прекрасный
Готов я много, много тысяч раз,
Когда вы отбиваетесь напрасно,
А я держу в объятьях крепких вас.
Но в это время мой влюбленный глаз,
Чуть отстранясь, на прелести косится,
Которые мой поцелуй крадет.
Я так ревнив, что глаз мой не мирится
С соперником, хотя б им был мой рот.

Крупными литераторами этого времени были поэты Морис Сев (1510 - 1564), Луиза Лабе (1524 - 1566) и, разумеется, королева Маргарита Наваррская (1492 - 1549).

В поэзии Маргариты преобладали религиозные, мистические мотивы, идеи неоплатонизма, воспринятого у Марсилио Фичино. Маргарита поддерживала Маро, Рабле, Доле, сама создала ряд замечательных произведений. Прежде всего это знаменитый сборник новелл "Гептамерон", сборник стихов "Зерцало грешной души", поэмы "Корабль", "Темницы" - скорбные книги о разочаровании жизнью. В них Маргарита изображает свой жизненный путь как постепенное освобождение от земной суеты и слияние с божеством. Кроме того, она - автор немалого числа пьес. Итогом же ее творческого пути является книга стихотворений "Перлы перла принцесс" (1547). Не привожу здесь ее текстов, поскольку не нашел устраивающих меня переводов. Среди представителей Лионской школы один из лучших - ее руководитель Морис Сев, гуманист школы Авиньонского университета. 23-летним молодым человеком в авиньонской церкви он открыл предполагаемую гробницу петрарковой Лауры, и это событие стало символическим предзнаменованием его собственной судьбы. Будучи обеспеченным человеком, он вел исключительно творческий образ жизни. В 1544 г. издал лучшую свою книгу - сборник десятистиший "Делия, предмет высшей добродетели". И это был первый французский сборник стихов, посвященный одной даме. Чувство, вызванное в нем Пернеттой дю Гийе, изображено поэтом во всех тончайших нюансах от первого рокового взгляда до постижения сути добродетели в свете неоплатоновского учения о любви.

Символ, иносказание - очень важная вещь для Сева. В имени, которым он назвал свою возлюбленную ("Делия"), ученые видят то анаграмму слова "идея", то остров Делос и Вергилиеву Delia, то есть богиню Диану. Поэзия Сева повествует о том, как чувство поэта, освобождаясь от всякой сексуальности, преобразуется в стремление к идеальному совершенству, к духовной чистоте, а Делия из земной женщины трансформируется в символ женской красоты вообще. Сев как поэт не был просто петраркистом, но обладал ярким лирическим оригинальным талантом. Пожалуй, именно он непосредственно и предвосхищает достижения "Плеяды". Причем он был не только лириком. В 1559 г. Сев создал монументальную поэму "Микрокосм", свод научных и философских представлений о человеке и космосе, где теологические идеи сочетаются с утверждением безграничности завоеваний разума.

Привожу три стихотворения к Делии в переводе В. Орла.

Не пламенная Анадиомена,
Не ветреный и любящий Эрот,
А память, не желающая тлена,
В моем творенье пред тобой встает.
Ты в нем найдешь, я знаю наперед,
Ошибку в слове, слабость в эпиграмме.
Но вот Любовь мои стихи берет
И, пощадив, пронесит через пламя.
страдать - не страдать

***

Два раза мне являлся лунный серп,
Два раза полная луна всходила,
И снова месяц плелся на ущерб,
Два раза полуденное светило
Напоминало, что в терпенье сила,
Что время разлучило нас давно,
Что с жизнью мне ужиться не дано.
Ведь умереть - но жить в тебе, о Дама, -
Погибнуть от разлуки - все равно
Что в ожиданье мучиться упрямо.

***

Любил я так, что только ею жил.
Так ею жил, что и люблю донныне.
Меня слепил души и чувства пыл,
Запутывая сердце в паутине.
Но вот и подошла любовь к вершине.
Неужто верность оскудеть могла?
Взаимной искра страсти в нас была,
И твой огонь во мне рождает пламя.
Так пусть же два костра сгорят дотла,
Одновременно сгинув, вместе с нами.

О жизни замечательной поэтессы Луизы Лабе известно мало. Современники говорили о ее тонкой культуре, начитанности, знании языков, владении лютней, любви к рукоделию и фехтованию, стрельбе и верховой езде. Она была замужем за неким Перье, канатных дел мастером, отсюда ее прозвище "прекрасная канатчица". Луиза принимала у себя весь цвет лионской интеллигенции. Все знаменитости, не исключая и Рабле, приезжая в Лион, считали своим долгом нанести ей визит. Она не ладила с Кальвином и утверждала независимость женщины.

Художественное наследие Лабе состоит из прозаических диалогов "Спор безумия и Амура", трех элегий и 24 сонетов (один из них - на итальянском языке). Поэзия ее повествует, естественно, о любви и разлуке с любимым, о внезапных переходах от радости к горю, от слез - к улыбке. Изящные, простые, обладающие естественным дыханием сонеты Лабе - одно из бессмертных творений французского ренессанса.

Вот несколько сонетов Луизы Лабе. Обратите внимание в особенности на первый, очевидно продолжающий тему Катуллы - Секунда, во всяком случае в катренах. Замечательный сам по себе, текст все же уступает образцам и напряженностью, и творческой наглостью, и - самое главное - темпераментом. Говорит женщина на мужскую тему.

*** (пер. Ю. Денисова)

Еще целуй меня, целуй и не жалея,
Прошу тебя, целуй и страстно и влюбленно.
Прошу тебя, целуй еще сильнее, до стога,
В ответ целую я нежней и горячей.
А, ты устал? В моих объятиях сумей
Вновь целоваться так, как я - воспламененно.
Целуясь без конца, без отдыха, бессонно,
Мы наслаждаемся, не замечая дней.
Две жизни прежние объединив в одну,
Мы сохраним навек надежду и весну.
Жить без страстей, Амур, без муки не могу я.
Когда спокойна жизнь, моя душа больна.
Но стынет кровь, когда я ласки лишена,
И без безумств любви засохну я, тоскую.

*** (пер. Э. Шапиро)

Согласно всем законам бытия
Душа уходит, покидая тело.
И я мертва, и я зову несмело:
Где ты, душа любимая моя?
Когда б ты знала, как страдаю я
И как от горьких слез окаменела,
Душа моя, ты, верно б, не посмела
Жесточкой пытке подвергать меня.
Охвачена любовною мечтою,
Страшусь, мой друг, свидания с тобою.
Молю тебя: не хмурь тогда бровей,
Не мучь меня гордыней непреклонной
И красотой одари своей,
Жесточкой прежде, ныне благосклонной.

*** (пер. Э. Шапиро)

Что нас пленяет: ласковые руки?
Надменная осанка, цвет волос?
Иль бледность, нежность взгляда, скупость слез?
И кто виновник нестерпимой муки?
Кто выразит в стихах всю боль разлуки?
Чье пение с тоской переплелось?
В чьем сердце больше теплоты нашлось?
Чья лютня чище извлекает звуки?
Я не могу сказать наверняка,
Пока Амура властная рука
Меня ведет, но вижу тем яснее,
Что все, чем наш подлунный мир богат,
И все, о чем искусства говорят,
Не сделает мою любовь сильнее.

Франсуа Рабле

Каждый раз, собираясь рассказывать о Рабле, задаюсь вопросом: как можно своими словами пересказать энциклопедию?

Да никак, во всяком случае за полтора часа. А перед нами именно энциклопедия, грандиозная и синтетическая картина Франции, шире - Европы XVI века со всеми слоями общества, с войной и миром, с отживающим и временами оживающим средневековьем и набирающим силу гуманизмом Ренессанса, анализ жизни человеческой и синтез общественного бытия и сознания, если хотите, и вся мировая сатира в одном томе: от Лукиана до Щедрина, стихия смеха: от смеха горького до брызжущего радостью бытия, вся французская классика: от Вийона до Роллана, самая суть жизнерадостного галльского духа, фантастика и реализм, представители всех народов Европы, проза и стихи, вся география: от Африки и Московии до Нового света Колумба и Магеллана, все идеи XVI в. - научные, философские, политические, религиозные, страна Утопия и страна Франция, проблемы воспитания и образования, папство и кальвинизм, скептицизм и стоицизм, культ знаний и пародия на всё и вся - от Артурова цикла до Евангелий. Все это умещается в один роман, создано одним человеком, носит одно веселое, "карнавальное" (как сказал о нем в не менее классической книге, нежели и сам первоисточник, Михаил Бахтин) имя - "раблезианство".

Мэтр Франсуа Рабле происходил из состоятельной семьи. Отец его унаследовал от своей матери дворянский титул и кое-какие поместья. Однако Франсуа был младшим сыном и по законам времени мог рассчитывать в жизни только на самого себя. Город Шинон, вообще долина Луары и ее притоков, где было сосредоточено наибольшее число памятников архитектуры, стали колыбелью французского Возрождения и подарили миру не только Рабле, но и Ронсара, и дю Белле, и Агриппу д'Обинье... Так вот, в Шиноне, в феврале 1494 г. и родился великий, нет, величайший французский писатель.

Уже десятилетним ребенком он был определен в монахи в аббатство в Турени. Это был суровый францисканский монастырь, однако и в него уже доходили веяния времени. Франсуа и его друг Пьер Лами, пряча под рясами, украдкой читали небольшую пустяковую книжечку, за чтение и хранение которой тем не менее грозило им быть объявленными еретиками с последующим сожжением на костре. Книжечкой сей была "Похвала глупости" Эразма Роттердамского, в коей, как вы знаете, высмеивалось всё и вся, а пуще всего церковники да монахи.

И не только эту книжечку читали любознательные ребята. Еще "Утопию" Томаса Мора, тоже вредную штучку, доложу я вам. Обе они были написаны на латыни. Но для Рабле латынь - не проблема, как не проблема - греческий и итальянский. Мальчик к тому времени давно уже переписывался с главой французских гуманистов Гийомом Бюде.

Как известно, все тайное когда-нибудь становится явным, и ребятишек застукали с недозволенной литературой. Застукав же, посадили в монастырскую тюрьму. Парнишки оттуда сбежали, их, конечно, поймали, кара ожидалась суровейшая, но... за Рабле затупился целый круг уважаемых людей: сам метр Бюде и его товарищи. В результате будущего писателя перевели в другой монастырь, помягче, бенедиктинский, где он и жил до 30 лет, после чего в качестве секретаря настоятеля - аббата д'Эстиссака стал разъезжать по Франции, посещал университеты, а в 1530 г. сложил с себя сан и обосновался в Монпелье, где принялся заниматься медициной и вскоре даже объявил собственный курс.

К этому времени ему лет 35-37, он - бакалавр медицины, отъявленный гуманист, бесстрашный вскрыватель трупов с целью познания истины и крайне неблагонадежный господин в глазах Сорбонны и иже с нею. Естественно, Рабле едет в Лион - оплот гуманизма, туда, где живут и работают Маргарита Наваррская, Деперье, Доле, Морис Сев. Здесь Рабле трудится в городской больнице, запоем читает все - от научных и философских трудов до народных книжек. Одна из них и подталкивает его на творческий подвиг. Эта лубочная (совершенно такая же, как пресловутый "Милорд глупый") книжка, о которой сейчас никто и не вспомнил бы, кабы не Рабле, называлась "Великие и неоченимые хроники о великом и огромном великане Гаргантюа" и продавалась на ярмарках. Рассказывала книжка о том, как

волшебник Мерлин сотворил своей чудесной силой великана Грангузе и великаншу Галамель и как они помогали королю Артуру, и как родили сына - великана Гаргантюа, и как он тоже служил Артуру, побеждая и позоря заслуженных рыцарей. А еще там был крохотный дьяволенок Пантагрюэль, наловчившийся извлекать соль из морей и кидать ее пригоршнями в глотки пьяниц, вызывая тем у них все большую и большую жажду.

И из такой макулатуры появилась великая книга? - спросите вы. Именно! Дело-то ведь, как мы с вами давно установили, не в первоисточнике, а в таланте исполнителя.

Днем Рабле врачевал, а ночами работал над книгой. И осенью 1532 г. выпустил ее в свет под анаграммой, - то есть переставив буквы собственного имени, - Алькофрибас Назье. Книжка была названа "Пантагрюэль", а в предисловии говорилось: "Вы не так давно видели, читали и изучали "Великие и бесподобные хроники об огромном великане Гаргантюа" и отнеслись к этой книге с таким же доверием, с каким люди истинно верующие относятся к Библии или же к Святому Евангелию... Громадная выгода и польза от вышеупомянутой гаргантюинской хроники общеизвестна, непреложное чему доказательство состоит в том, что у книгопродавцев она разошлась за два года в таком количестве, в каком Библия не расходилась в течение двадцати лет".

Мы присутствуем при первой оплеухе, отпущенной Рабле клерикалам. В октябре 1534 г. выходит в свет вторая книга под названием "Гаргантюа". После ее появления состоялось знакомство автора с гуманистически настроенным и литературно одаренным кардиналом Жаном дю Белле, к которому Рабле поступил на службу.

А еще до того, в 1533 г., теологи Сорбонны, естественно, запретили "Пантагрюэля", на что, собственно, и был ответом "Гаргантюа". Однако время было крутое, Франциск I, оправев, обрушился на гугенотов и еретиков, и в 1535 г. Рабле оказывается в Риме, где добивается аудиенции у папы. Тот отпустил ему грехи его, после чего писатель вновь принял сан, а год спустя получил должность каноника в монастыре. При этом сразу же с помощью влиятельного своего друга и покровителя кардинала дю Белле он получил и разрешение на медицинскую практику. Естественно, что в монастыре Рабле не жил, а жил и читал курс анатомии в Монпелье, Париже, Лионе и других городах. А практиковал в Метце и Турине.

Что же касается романа, то он переиздается и обретает все большую популярность. Появляются даже по обычаю того времени многочисленные переделки и подражания.

В 1545 г. Сорбонна вновь достает Рабле, он опять бежит, теперь неведомо куда, вероятнее всего, в глубокую провинцию. Через год такого своеобразного "лежания на дне" выходит третья книга романа и приводит теологов уже в совершенную ярость. На сей раз Рабле спасается в Метце. И - пишет первую часть четвертой книги, которая выходит в свет в 1548 г. (полный текст появится в 1552-м). После этой акции даже и друзья от автора отвернулись. Парижский же парламент приговорил книгу к сожжению. В ответ неукротимый автор пишет пятую книгу, но, увы, завершить ее не успевает. 9 апреля 1553 г. он умирает в Париже. Такова канва жизни писателя и рождения романа.

Теперь нам предстоит более сложная задача: начертать канву литературоведческую. Роман Рабле начинается в духе жизнеописаний и хроник, но тут же сбивается на пародию, ибо автор выводит родословную своих героев от Авеля и Каина, попутно зло осмеяв сказку (как он думал) о потопах и ковчеге. Тем самым наносится тяжелый удар уже даже и не по церкви, а по святым святым - по Матфею Евангелию, по вере, по христианству.

Далее речь идет о детстве великана, его воспитании и образовании, о гигантском перечне нудных книг, которые герою предстояло прочитать. Эти книги - библиотека парижского аббатства Сен-Виктор. Все они сочинены теологами Сорбонны, и все они - по мнению героя и его автора - бессмыслица, бездарность и занудство. Ну, попробуйте сегодня охарактеризовать таким образом тексты и в целом литературную политику какого-нибудь толстого журнала - и вы навсегда закроете себе туда дорогу. А Сорбонна пострашнее толстого журнала.

Чуть позднее в романе приводится письмо юному Пантагрюэлю от отца. Письмо это - не что иное, как программа воинствующего гуманизма, где, с одной стороны, "...приобрети совершенное познание мира, именуемое микрокосмосом", с другой - "...пусть тебя не занимают астрологические гадания, ибо все это вздор и обман".

Сделаем небольшое попутное отступление, вполне в духе старинных романов с их бесчисленными вставными новеллами, и заметим, что с последним заявлением вряд ли согласился бы другой французский врач и современник Рабле, Мишель Нострадам, покоритель холеры и чумы, поэт-астролог, умевший не только точно предсказывать людям их судьбу, но с высокой степенью пророчества - и судьбу мира. Нострадамус жил практически в одно время с Рабле (1503-1566), но до чего же они были разными людьми, авторами, мыслителями!..

Вот только одно из его предсказаний:

Осыпан был пеплом изгнанников остров.
На смерть их ведет хромоногий маньяк.
Их жгут на кострах подлецы и прохвосты.
Но слово погибших прольется сквозь мрак.
Рожден близ Италии дерзкий воитель,
Империя будет в мятежной стране!
Но сколько солдат за тебя перебито,
Чудесный мясник, в безуспешной войне!

После известных событий 1800-х - 1810-х гг. XIX столетия догадались, о ком пророчил старый французский еврей.

Или вот это, на сегодня быть может самое актуальное его пророчество:

Мне страшен неведомый третий правитель
Загадочной, варварской, снежной страны.
Его же соратники им же убиты.
И старость его только ад охранит.

Почему третий? На этот счет комментаторы приводят различные аргументы, но все, разумеется, сходятся в том, что речь в пророчестве может идти только о Сталине.

Однако вернемся к Рабле, гуманисту, реалисту, сатирику. К Рабле, писавшему Эразму так: "Ты меня воспитал, ты вспоил меня чистым молоком божественного своего знания, одному тебе я обязан всем, что есть во мне ценного, всем, чего я достиг".

Ни пересказывать содержание, ни характеризовать всех героев этой книги-мира я не берусь. Я - не Бог, не Рабле, не Нострадамус. Потому скажу только лишь то, что смогу, в меру моих скромных возможностей.

Помимо замечательных сказочно-реальных гуманистов Гаргантюа и Пантагрюэля в книге множество персонажей. Мне симпатичен Панург (что по-гречески означает "хитрец", "ловкач"). Умник, насмешник, он, наверное, первый пикаро в литературе. Чуть не всю книгу он мучается потрясающей житейской дилеммой, возводя ее до степени высшей философии, до глобального вопроса вопросов о первичности бытия или сознания, безбожно его тем самым пародируя. Дилемма озвучивается так: жениться или не жениться? И если жениться, то как не обрасти рогами? И если обрасти, то как при этом выглядеть достойным? И если выглядеть достойным, то как... И так далее...

Панург - поистине великий человек. Он знает 63 способа добывания денег, из которых самым честным и самым обычным является незаметная кража. Заметим, что Остап Бендер знал таковых больше, кажется, более двухсот, но он и жил позднее, являясь прямым потомком Панурга по отеческой линии, и был, вероятно, единственным исключением из числа детей гениев, на которых, как всем хорошо известно, природа отдыхает.

При всем том Панург - беззлобный озорник, шулер, кутила, гуляка из гуляк и жулик, каких в Париже немного. А в сущности чудеснейший из смертных, в оправдание своей характеристике строящий каверзы полицейским и ночному дозору.

Или другое очаровательное создания гения Рабле - брат Жан, монах-весельчак и трудяга, каких мало, истинный гуманист, основатель аббатства Утопии, правила которого (аббатства) сводятся к следующему: "Делай, что хочешь", кроме того, ясно, что предписывает церковь.

На входных воротах аббатства красуется пародия на дантовское "Оставь надежду всяк сюда входящий":

Идите мимо, лицемер, юрод,
Глупец, урод, святоша-обезьяна...
Все вы, кто бьет поклоны неустанно,
Вы, интриганы, продавцы обмана,
Болваны, рьяно злобные ханжи, -
Тут не потерпят вас и вашей лжи.

Начиная с третьей книги, герои романа путешествуют, дабы найти ответ на заглавный Панургов вопрос.

Куда? Поначалу к оракулу. К какому? К оракулу Божественной Бутылки. Тут нам одновременно и отсылка к великим географическим открытиям эпохи, и пародия, нет, эпиграмма на всех и всяческих предсказателей вкупе с Нострадамом.

Путешественники посещают остров Прокурации, государство прокуроров, ябедников, сутяг (вчистую королевский суд Франции), затем острова Жалкий (где обитает великий Постник) и Дикий (где живут свирепые колбасы), то есть в первом случае католики, во втором кальвинисты; затем - острова папифигов (лютеран) и папоманов (католиков), а в пятой книге - остров Звонкий, где живут одни птицы - клирцы, инокцы, аббатцы, кардинцы, а правит ими всеми "один" птица - папек. А еще они посещают остров Застенка, остров суда, где судьями - Пушистые Коты (намек на судейскую мантию, отороченную кошачьим мехом). Вот эти Котики во главе с Цапцарапом и развлекаются как умеют: вешают, жгут, четвертуют, обезглавливают, умерщвляют, бросают в тюрьмы, разоряют и губят всё без разбора... Тоже ведь, если задуматься, не просто сатира, но предсказание и НКВД, и Гестапо.

В конце концов, после долготрудного пути герои достигают вожделенного оракула Божественной Бутылки, чтобы узнать наконец, жениться Панургу или нет.

Как вы думаете, что ответил им оракул? То, что и должен был. Он дал односложное, зато ясное указание: "Дринк!"

А какой великолепный, сочный язык у Рабле! Вот, например, характеристика брата Жана: "... в аббатстве находился монах по прозванию брат Жан Зубодробитель, человек молодой, прыткий, щеголеватый, жизнерадостный, разбитной, храбрый, отважный, решительный, высокий, худощавый, горластый, носатый, мастак отбарабанить часы, отжарить мессу и отваливать вечерню".

Гротеск, гиперболоа, аллегория, точная деталь, метафора - все это живет, сверкает, сияет на страницах романа. И, конечно же, гуманизм, и смех, и жизнерадостность, и здоровье, и победа добра над злом, жизни над смертью. Все мы, кто читал и не читал, все мы обязаны французскому доктору и писателю Франсуа Рабле, любившему и воспевшему молодость, здоровье, силу и мудрость человека, Человека с большой буквы. Все мы обязаны, но некоторые - особенно. Особенно же обязаны ему Джонатан Свифт и Михаил Салтыков-Щедрин, Ромен Роллан и Михаил Зощенко, Илья Ильф и Евгений Петров... да и вся мировая сатира.

Ах, какой это замечательный писатель, Франсуа Рабле! Только читать его нужно в полном переводе, а таких изданий немного. Слишком уж злой он был сатирик, чтобы власти любой страны, любого общества и любого времени без опаски для себя издавали этого классика в неурезанном виде.

Судьба многих классиков прошлого (и сатириков в том числе) имеет одну любопытную общность: со временем их, подправив и подсократив, переводят в разряд детского чтения. Так произошло с Сервантесом, Свифтом, Дефо. Так же хотелось бы многим поступить и с Рабле. Но вот он никак не захотел вписаться в круг детского чтения, несмотря на талантливую попытку, например, советских редакторов и переводчиков уместить его на этом ложе. Даже и таком варианте из-под белых кружевных простынок младенческой люльки непристойно высовываются голые волосатые ноги старого бражника и насмешника. Поэтому читать настоящего Рабле надо в настоящем виде. А прецедент такой

возможен даже и без знания французского. Конгениальный автору (и не одному только Рабле, кстати!) переводчик Николай Любимов воссоздал его на русском во всей красе. Перевод Любимова и следует читать не только для того чтобы по-настоящему понять и оценить Рабле, - для того, чтобы по-настоящему научиться любить и ценить живую жизнь.

Поэзия "Плеяды" и закат французского Ренессанса Дю Белле, Ронсар, Д'Обинье: Жизнь как роман

1. "Плеяда"

Третью четверть XVI в. - годы царствования Генриха II, Франциска II и Карла IX - называют не их именами, а эпохой "Плеяды", или чаще - временем Ронсара.

Все самое талантливое в литературе Франции тех лет группировалось вокруг "Плеяды", группы поэтов, которую возглавляли Пьер Ронсар и Жоашен (Иоаким) дю Белле. Само название группе дал в одном из своих стихотворений Пьер Ронсар, не только намекая при этом на известное созвездие, но и в память о "плеяде" из семи эллинистических поэтов III в. до н.э., возглавляемой Феокритом.

В разные годы состав группы менялся: здесь и лирик Реми Белло, и поэт-драматург Этьен Жодель, и музыкант, поэт и теоретик стиха Жан Антуан де Баиф, и поэт-неоплатоник Понтюс де Гийар, и лирики Жонс Пелетье, Гийом Дезотель, Оливье де Маньи, Жан Тауро, Жак Гревен, Жан Пассера, Амадис Жамен и многие другие.

Что объединяло группу? Некие теоретические положения, как и обыкновенно. Они были изложены в трактатах, предисловиях к сборникам стихотворений, поэтических посланиях. Первое место и по времени, и по значению принадлежит здесь "Защите и прославлению французского языка" Ж. Дю Белле.

Авторы "Плеяды" поставили и разрешили вопрос о создании национальной поэтической школы.

С первых шагов деятельность "Плеяды" отличает в целом забота обо всей французской литературе во имя возвеличения и славы Франции: она защищает родной язык, не осуждая при том латыни, она поднимает язык на уровень искусства, провозглашая Поэзию высшей формой его существования.

К практическому достижению идеального выражения национальной литературы, по теории Дю Белле, следовало идти через подражание не букве, а духу античности.

Лучшие авторы "Плеяды", блистательно применив технику Пиндара, создали французскую оду, довели поэтическое слово до высочайшей степени совершенства. Ронсар, можно сказать, создал новую французскую лирику, как сделал это у нас Пушкин. Ронсар, как и Дю Белле, обладал тонким чувством меры, лаконизмом и даже справедливо отвергал итальянских поэтов, которые, по его словам, "нагромождают обычно четыре или пять эпитетов в одном стихе".

Теоретики "Плеяды", обращаясь к творчеству Горация, призывали не торопиться к обнародованию произведений, но без усталости шлифовать их стиль. Однако никакие ученость и трудолюбие не спасут, если поэт не будет вдохновлен музами, и поэтическая теория строится в соответствии с учением Платона, утверждающим, что поэты есть выразители нисходящего на них божественного вдохновения.

Дю Белле говорил о высоком предназначении поэта-творца, о том, что он должен заставить читателя "негодовать, успокаиваться, радоваться, огорчаться, любить, ненавидеть".

"Плеяда" сделала еще одно важное дело - освободила поэта от полной зависимости от мецената, сделала его профессионалом.

Правда, в годы религиозных войн, в обстановке Контрреформации пути членов группы разошлись и довольно резко: Ронсар и Баиф становятся придворными авторами, Жодель уходит в оппозицию, многих других уже нет в живых. Но дело в общих чертах было сделано: создана национальная школа, национальная поэзия, более того, влияние "Плеяды" распространяется на всю Европу: подобную реформу в Англии пытаются осуществить Эдмунд Спенсер и Филипп Сидни, в Польше в своем творчестве - гениальный Ян Кохановский, в Германии - Веккерлин и Опиц, даже итальянец Кьяберра заявляет себя сторонником идей Ронсара.

Но теории теориями, а литература создается прежде всего гениями. Таких гениев дала Франции "Плеяда", а Франция - всему миру. Этими гениями были Жоажен дю Белле и Пьер де Ронсар.

2. Жоашен дю Белле

Начнем со старшего. Жоашен дю Белле родился в 1522 г., прожил классические для поэта тридцать восемь лет и умер в 1560-м.

Попробуем представить себе время Дю Белле.

В 1525 г. войска Карла V взяли в плен французского короля Франциска I. И это был лишь один из эпизодов кровавой войны за первенство в Европе, борьбы, бросившей тень на всю жизнь поэта.

Это, кроме того, еще и время научных исканий и взрывов диких суеверий, двойного фанатизма - яростных католиков и непримиримых гугенотов. Франция воюет почти непрерывно - то с Карлом, то с англичанами. Империя Габсбургов пугает мир своей мощью. Карл V, родившийся во Фландрии и царствовавший в Мадриде, правил Германией и Мексикой, Голландией и Италией. Французы тогда впервые заговорили об "европейском равновесье". Франциск предложил союз турецкому султану. Он договаривается и с мусульманами, и с немецкими протестантами, что не мешает ему жечь на кострах доморощенных еретиков.

Идеи Возрождения, пришедшие из Италии, потрясают просвещенных французов. Вельможи читают "Одиссею" и рассказывают об открытиях Коперника, а студенты смущают своих возлюбленных стихами Петрарки. Король выписывает из Италии великого Тициана, который пишет портрет просвещенного монарха. Король основывает Коллеж де Франс - первую высшую светскую школу. Он покровительствует философии, филологам, поэтам, художникам. Он произносит речи о значении книгопечатания. При этом он сжигает на костре одного из лучших печатников Франции, филолога Доле. Выступают первые ученики Игнатия Лойолы, воинствующие иезуиты. Кальвинисты протестуют против фанатизма католиков, но сами отнюдь не брезгают их методами. В католическом Париже преподает медицину испанский врач Сервет, он изучает систему кровообращения. От преследования церкви он уезжает в Женеву, где Кальвин организовал протестантскую республику. Конечно, Кальвин порицает инквизицию, но научное обоснование мира беспокоит его, пожалуй, больше, чем даже самого папу... И свободолюбивые гугеноты торжественно сжигают на костре медика Сервета. И еще важно: быстрыми темпами растет новый класс - буржуазия. Такова обстановка, в которой работают поэты "Плеяды", мир, в котором живет Дю Белле.

Выходец из бедной ветви знаменитого рода епископов, губернаторов, дипломатов, полководцев, он рано осиротел, был слаб здоровьем. Юношей он едет в Пуатье, чтобы в университете изучать право. Там он и встретился с Ронсаром. По преданию, они случайно познакомились в пригородном трактире. И с первой встречи подружились навек. В 1547 г. 25-летний Дю Белле бросает юриспруденцию, перебирается в Париж, поступает в коллеж

Кокре, где учится его друг Ронсар. Оба они живут в интернате, увлекаются итальянской поэзией, бродят по узеньким улицам Латинского квартала, влюбляются в девушек, которых неизменно сравнивают с петрарковой Лаурой.

Два года спустя Дю Белле издает сборник стихов "Олива" - так называет поэт предмет своей любви. В книге много прекрасных сонетов. Почти одновременно появляется и прославление французского языка.

А через три года он отрекается от своей первой книги, то есть от петраркизма:

Слова возвышенны и яркие,
А все - притворство, все - слова.
Горячий лед. Любовь мертва,
Она не терпит мастерства,
Довольно подражать Петрарке.

.....

Хочу любить я без оглядки.
Ведь, кроме поз и кроме фраз,
Амура стрел, Горгоны глаз,
Есть та любовь, что вяжет нас.
Я больше не играю в прятки.

Подобно ему, спустя 400 лет Маяковский терзает символистов:

Нам надоели бумажные страсти -
Дайте жить с живой женой!

Что, по-моему, только лишний раз доказывает, сколь узок и одновременно вечен ряд поэтических тем.

К 1553 г. Дю Белле - уже совершенно больной человек. Туберкулез терзает его еще с отрочества, а бедность - едва ли не с рождения.

В это время он посещает Рим в качестве секретаря по финансовым делам в составе миссии Генриха II, возглавляемой родственником поэта, кардиналом Жаном Дю Белле. Габсбурги и Франция боролись за несчастную, растерзанную Италию.

Четыре года провел поэт в Италии. Его поразила жизнь, продолжающаяся в античных руинах. В те годы Рим был не только развалинами былой славы: еще работал неистовый Микеланджело, исполнялись литургии, архитекторы создавали дворцы, сочетая гармонию "золотого века" с первыми прихотями сумасбродного барокко.

И еще Рим открыл ему лицо порока. В сонетах он все это описал: интриги и шулерство кардиналов и дипломатов, бесстыдство куртизанок, смесь полуголых девок с рясами, ладана с винным угаром, четок с выкладками банкиров. Описал - и затосковал по родине, и сбежал во Францию, и создал поэтическую книгу "Сожаления" - дневник наблюдений, раздумий, признаний. Книгу живой любви к живой и замужней женщине, римлянке Фаустине, о нелегкой и бурной их любви. И, тем не менее, не любовь - главное в итоговой книге Дю Белле. Он понимал, что Ронсар о любви пишет лучше, и потому писал о жизни, о себе, о времени.

Наскоками постигавшая, но и отпускаявшая его глухота (даже недуг у них был с Ронсаром общий!) в 1599 г. вернулась окончательно. Замучили и другие болезни. Поэт слег. Когда же вдруг наступило облегчение, он поднялся с постели и весело встретил Новый год в доме своего друга Бизэ. Вернувшись домой, он сел за стол, чтобы поработать над стихами. Утром 1 января 1560 г. его нашли мертвым.

А через три года после смерти поэта началась новая война между католиками и гугенотами и... закончилась эпоха Возрождения.

Вот несколько сонетов Дю Белле в переводе Вильгельма Левика из числа тех, что сделали его имя бессмертным.

***

Невежде проку нет в искусствах Аполлона,
Таким сокровищем скупец не дорожит,
Проныра от него подалее бежит,
Им Честолюбие украсить не склонно;

Над ним смеется тот, кто вьется возле трона,
Солдат из рифм и строф щита не смастерит,
И знает Дю Белле: не будешь ими сыт,
Поэты не в цене у власти и закона.

Вельможа от стихов не видит барыша,
За лучшие стихи не купишь ни шиша, -
Поэт обычно нищ и в собственной отчизне.

Но я не откажусь от песенной строки,
Одна Поэзия спасает от тоски,
И я обязан ей шестью годами жизни.

***

Ты хочешь знать, Панжас, как здесь твой друг живет?
Проснувшись, облачась по всем законам моды,
Час размышляет он, как сократить расходы
И как долги отдать, а плату взять вперед.

Потом он мечется, он ищет, ловит, ждет,
Хранит любезный вид, хоть вспыльчив от природы.
Сто раз переберет все выходы и входы.
Замыслив двадцать дел, и двух не проведет.

То к папе на поклон, то письма, то доклады,
То знатный гость пришел и - рады вы, не рады -
Наврет с три короба он всякой чепухи.

Те просят, те кричат, те требуют совета,
И это каждый день, и, веришь, нет просвета...
Так объясни, Панжас, как я пишу стихи.

***

Блажен, кто устоял и низкой лжи в угоду
Высокой истине не шел наперекор,
Не принуждал перо кропать постыдный вздор,
Прислуживаясь к тем, кто делает погоду.

А я таю свой гнев, насилую природу,
Чтоб нестерпимых уз не отягчить позор,
Не смею вырваться душою на простор
И обрести покой иль чувству дать свободу.

Мой каждый шаг стеснен - безропотно молчу.
Мне отравляют жизнь, и все ж я не кричу.
О, мука все терпеть, лишь кулаки сжимая!

Нет боли тягостней, чем скрытая в кости!
Нет мысли пламенней, чем та, что взаперти!
И нет страдания сильней, чем скорбь немая!

3. Пьер Ронсар

Теперь о Ронсаре. Пьер де Ронсар (1524 - 1585) родился в семье небогатого дворянина, чьи предки были выходцами из Венгрии. Отец поэта, участник едва ли не всех итальянских походов начала XVI в. был недурным поэтом-дилетантом и привил сыну любовь к античности. В молодости будущий поэт побывал в Англии, Шотландии, Фландрии, Германии, изучил под руководством Жана Доре языки и античную литературу.

После появления своих первых книг Ронсар сразу становится главой нового направления и "принцем поэтов". Мирозерцание его цельно, жизнерадостно, гуманистично. В этот период Ронсар - истинный человек Возрождения.

Лучшие его творения этого периода, то есть конца 40-х гг. - "Оды", в которых, используя технику Пиндара, Ронсар добился прекрасной поэтичности, философской и эстетической глубины.

Кроме "Од", значителен обширный цикл петраркистских сонетов "Любовь к Кассандре".

К середине 50-х гг. Ронсар перешел к "поэзии действительности". Два блестящих цикла стихов к Марии в манере Катулла, Овидия и Тибулла ознаменовали новый этап его творчества.

Здесь природа и человек соединяются, тон стихов делается более спокойным, александрийский двенадцатисложник заменяет порывистый десятисложный стих цикла к Кассандре. В дальнейшем александрийский стих станет основным размером классицистской драматургии и высокой поэзии во Франции.

Мария, его новая любовь, простая девушка, и стих его соответственно утрачивает излишнюю торжественность, но приобретает простоту и естественность. Образ девушки дан в движении, в изменчивости и совсем не похож на слегка ходульный стиль обращений к Кассандре.

В двух книгах "Гимнов" (середина 50-х гг.) Ронсар ставит философские и научные проблемы, гармонии космоса противопоставляет земную неустроенную жизнь. В поэзию врывается диссонанс идеалов и бытия, выход поэту видится в уединенной сельской жизни.

Третий период творчества Ронсара совпадает с началом религиозных войн. Здесь он - зачинатель традиции политической поэзии, проникнутой духом патриотизма, в известной мере предвосхищает д'Обинье. Осознание себя как части нации, как человека, ответственного за судьбы страны - основная черта книги "Рассуждения". И здесь Ронсар - основоположник жанра посланий.

После 1563 г. в течение десяти лет, помимо лирики, поэт работает над поэмой "Франсиада", как бы по примеру вергилиевой "Энеиды", заказанной ему Карлом IX. Но в отличие от Вергилия, Ронсар по заказу работать не любил и не мог, и по большому счету эпос ему, чистому лирику, не удался. Хотя, необходимо отметить, что в поэме есть ряд мест, отмеченных гением Ронсара, повлиявших на дальнейший классицистский эпос вплоть до "Генриады" Вольтера.

В этот же период Ронсар создал блестящие эклоги и утвердил этот жанр в родной поэзии. Главное достижение мэтра в 70-е гг. - великолепный поэтический цикл "Сонеты к Елене", о последней безнадежной и все же прекрасной любви к юной даме, а также несколько потрясающих стихотворений в предчувствии конца жизни, созданных в последний год.

Биография Ронсара - огромный и блестящий роман живой жизни короля поэзии, увенчанного лавровым венком, череда увлечений и страстей, борьба с недугом - глухотой, тайное, слышное лишь ему пение Музы, политические надежды и разочарования и творчество, творчество с юных лет до могилы. И умирая, Ронсар диктовал стихи своему секретарю и другу Амадису Жамену.

Признанный королем поэтов при жизни, Ронсар остался таковым и в веках. Одно слово - классик.

Стихотворения Пьера Ронсара в переводах Вильгельма Левика

***

Едва Камена мне источник свой открыла
И рвеньем сладостным на подвиг окрылила,
Веселье гордое мою согрело кровь
И благородную зажгло во мне любовь.
Плененный в двадцать лет красавицей беспечной,
Задумал я в стихах излить свой жар сердечный,
Но, с чувствами язык французский согласив,
Увидел, как он груб, неясен, некрасив.
Тогда для Франции, для языка родного,
Трудиться начал я отважно и сурово.
Я множил, воскрешал, изобретал слова -
И сотворенное прославила молва.
Я, древних изучив, открыл свою дорогу,
Порядок фразам дал, разнообразье - слогу,
Я строй поэзии нашел - и, волей муз,
Как Римлянин и Грек, великим стал Француз.

***

Ко мне, друзья мои, сегодня я пирую!
Налей нам, Коридон, кипящую струю.
Я буду чествовать красавицу мою,
Кассандру иль Мари, - не все ль равно, какую?

Но девять раз, друзья, поднимем круговую, -
По буквам имени я девять кубков пью.
А ты, Белло, прославь причудницу твою,
За юную Мадлен прольем струю живую.

Неси на стол цветы, что ты нарвал в саду,
Фиалки, лилии, пионы, резеду, -
Пусть каждый для себя венок душистый свяжет.

Друзья, обманем смерть и выпьем за любовь!
Быть может, завтра нам уж не собратся вновь.
Сегодня мы живем, а завтра - кто предскажет?

***

Ах, чертов этот врач! Опять сюда идет!
Он хочет сотый раз увидеть без рубашки
Мою любимую, пощупать все: и ляжки,
И ту, и эту грудь, и спину, и живот.

Так лечит он ее? Совсем наоборот:
Он плут, он голову морочит ей, бедняжке,
У всей их братии такие же замашки.
Влюбился, может быть, так лучше пусть не врет.

Ее родители, прошу вас, дорогие, -
Совсем расстроил вас недуг моей Марии! -
Гоните медика, влюбленную свинью.

Неужто не ясна вам вся его затея?
Да ниспошлет Господь, чтоб наказать злодея,
Ей исцеление, ему - болезнь мою.

***

Природа каждому оружие дала:
Орлу - горбатый клюв и мощные крыла,
Быку - его рога, коню - его копыта,
У зайца - быстрый бег, гадюка ядовита,
Отравлен зуб ее. У рыбы - плавники,
И, наконец, у льва есть когти и клыки.
В мужчину мудрый ум она вселить умела,
Для женщин мудрости Природа не имела
И, исчерпав на нас могущество свое,
Дала им красоту - не меч и не копье.
Пред женской красотой мы все бессильны стали,
Она сильнее богов, людей, огня и стали.

Ручью Бельри

Полднемным зноем утомленный,
Как я люблю, о мой ручей,
Припасть к твоей волне студеной,
Дышать прохладою твоей,

Покуда Август бережливый
Спешит собрать дары земли,
И под серпами стонут нивы,
И чья-то песнь плывет вдали.

Неистошимо свеж и молод,
Ты будешь божеством всегда
Тому, кто пьет твой бодрый холод,
Кто близ тебя пасет стада.

И в полночь на твои поляны,
Смутив весельем их покой,
Все так же нимфы и силваны
Сбегутся резвою толпой.

Но пусть, ручей, и в дреме краткой
Твою не вспомню я струю,
Когда, измучен лихорадкой,
Дыханье смерти узнаю.

***

Когда хочу хоть раз любовь изведать снова,
Красотка мне кричит: "Да ведь тебе сто лет!
Опомнись, друг, ты стал уродлив, слаб и сед,
А корчишь из себя красавца молодого.
Ты можешь только ржать, на что тебе любовь?
Ты бледен, как мертвец, твой век уже измерен.
Хоть прелести мои тебе волнуют кровь,
Но ты не жеребец, ты шелудивый мерин.

Взглянул бы в зеркало: ну, право, что за вид!
К чему скрывать года, тебя твой возраст выдал:
Зубов и следу нет, а глаз полузакрит,
И черен ты лицом, как закопченный идол".
Я отвечаю так: не все ли мне равно,
Слезится ли мой глаз, гожусь ли я на племя,
И черен волос мой иль поседел давно, -
А в зеркало глядеть мне вовсе уж не время.
Но так как скоро мне в земле придется гнить
И в Тартар горестный отправиться, пожалуй,
Пока я жить хочу, а значит - и любить,
Тем более что срок остался очень малый.

***

А что такое смерть? Такое ль это зло,
Как всем нам кажется? Быть может, умирая,
В последний, горький час, дошедшему до края,
Как в первый час пути, - совсем не тяжело?

Но ты пойми - не быть! Утратить свет, тепло,
Когда порвется нить и бледность гробовая
По членам побежит, все чувства обрывая, -
Когда желания уйдут, как все ушло.

И ни питий, ни яств! Ну да, и что ж такого?
Лишь тело просит есть, еда - его основа,
Она ему нужна для поддержанья сил,

А дух не ест, не пьет. Но смех, любовь и ласки?
Венеры сладкий зов? Не трать слова и краски, -
На что любовь тому, кто умер и остыл?

***

Я к старости клонюсь, вы постарели тоже.
А если бы нам слить две старости в одну
И зиму превратить - как сможем - в ту весну,
Которая спасет от холода и дрожи?

Ведь старый человек на много лет моложе,
Когда не хочет быть у старости в плену.
Он этим придает всем чувствам новизну,
Он бодр, он как змея в блестящей новой коже.

К чему вам этот грим - вас только портит он.
Вы не обманете бегущих дней закон.
Уже не округлить вам ног сухих, как палки,

Не сделать крепкой грудь и сладостной, как плод.
Но время - дайте срок! - личину с вас сорвет,
И лебедь белая взлетит из черной галки.

***

Я высох до костей. К порогу тьмы и хлада
Я приближаюсь глух, изглодан, черен, слаб,
И смерть уже меня не выпустит из лап.
Я страшен сам себе, как выходец из ада.

Поэзия лгала! Душа бы верить рада,
Но не спасут меня ни Феб, ни Эскулап.
Прощай, светило дня! Болящей плоти раб,
Иду в ужасный мир всеобщего распада.

Когда заходит друг, сквозь слезы смотрит он,
Как уничтожен я, во что я превращен.
Он что-то шепчет мне, лицо мое целуя,

Стараясь тихо снять слезу с моей щеки.
Друзья, любимые, прощайте, старики!
Я буду первый там, и место вам займу я.

4. Агриппа д'Обинье

Для достойного описания жизни-романа этого человека потребовалось бы перо Александра Дюма, ибо, если жизнь Ронсара - роман лирический, то жизнь д'Обинье - самый что ни на есть приключенческий.

Попробуем изобразить ее лишь в самых общих чертах.

1560 год. Восемилетний мальчик Агриппа д'Обинье вместе с отцом, ревностным воином-гугенотом и книжником проезжает верхом через городскую площадь, с которой еще не убраны головы казненных протестантов-заговорщиков. Старик раздражается проклятиями в адрес их палачей. Едва выбравшись из толпы, окружившей его отряд, он заставил сына поклясться до последнего вздоха сражаться за их дело.

Так мальчик был посвящен в рыцари протестантизма. Этой клятве он оставался верен всегда и везде: на полях сражений, в политике, в литературе.

Уже в шестилетнем возрасте Агриппа читал на греческом, латинском и древнееврейском, год спустя переводил Платона. Еще через год, осиротев, попал в Женеву, там занялся комментариями к священному писанию, философией, математикой, без ведома родственников перебрался в Лион, где увлекся оккультными науками. Однако темперамент увлекал его в бой.

И однажды шестнадцатилетний юноша, запертый в доме опекуна, в одной рубашке спустился по простыне из окна спальни, пристал к отряду протестантов и наутро в схватке добыл себе оружие, одежду, коня. Это был первый ратный подвиг воина, затем почти полвека кряду не выпускавшего из рук шпаги.

Герой, сорвиголова, партизан - все это он, юный д'Обинье... Но вот он заболевает горячкой, а встав с постели, горько раскаивается в учиненных грабежах и жестокостях. Отныне он - идейный борец за родину и веру, исполненный сознания святости своей миссии.

В перерыве между сражениями д'Обинье жестоко влюбляется. Укрываясь от преследователей в одном из замков, он пленяется дочерью хозяина, гордой красавицей Дианой Сальвиати, племянницей той самой дамы, что была воспета Ронсаром под именем Кассандры.

Но зачем аристократке-католичке гугенот из захудалых дворян?

Страсть не получает взаимности, но зато рождает поэта. Первая книга д'Обинье - великолепный цикл стихов "Весны". Здесь он чем-то похож на Ронсара, но мелодия его горше, а Весна его - весна солдата, пришедшего с войны.

В 1573 г. д'Обинье в Париже. Он в большой дружбе с будущим Анри IV, тем самым гугенотским принцем, что вскоре скажет: "Париж стоит мессы", перейдет в католичество и воссядет на трон. Но пока что за обоими идет охота, и вместе они бегут из Лувра, где Генрих находится вроде как под негласным арестом. Этот эпизод рассказан-таки Дюма в романе "Королева Марго".

И вновь д'Обинье - партизан, опять воин, снова солдат. Но теперь это уже не мальчишка, а искушенный теоретик богословия и философ, добрый знакомый Монтеня и еще десятка знаменитых французов-гуманистов.

Рыцарь-проповедник без страха и упрека, д'Обинье отрекается от Генриха, когда тот отрекается от протестантизма во имя трона. Бросив королю в лицо все, что он думает о предателях и вероотступниках, д'Обинье на полтора десятилетия скрывается от мира в отдаленном замке, где работает над стихами и прозой, с отвращением взирая на деяния бывших друзей.

После убийства Генриха, старый гугенот воспрял было духом и попытался сколотить новую протестантскую оппозицию, однако время его уже прошло. Франция вступила в эпоху абсолютизма и уже недалек был тот час, когда шпory и боевые шлемы сменяются на напудренные парики бальных празднеств "короля-солнца".

Заперев ворота своего замка, Агриппа засел за "Всеобщую историю" (1616- 1626) - летопись уходящей поры религиозных смут. Умирал он в 1630 г., пережив свой век и самого себя, окруженный чужими людьми и врагами. Говорят, что на смертном ложе он затянул псалом, с которым некогда водил в бой полки.

Дело всей жизни д'Обинье-поэта - "Трагические поэмы". Он работал над их созданием тридцать девять лет (1577-1616). Вот что вкратце можно о них сказать.

Первая часть - "Беды" рисует печальную картину королевства, разоренного религиозными войнами.

Вторая часть - "Монархи" дает сатирическую галерею образов правителей Франции. Эта вещь во французской литературе беспрецедентна по конкретной направленности сатиры, по решимости назвать вещи своими именами, по бесстрашию обличения сильных мира сего.

Третья часть - "Золотая палата" - рассказ о неправедных, жестоких католических судьях.

Четвертая часть - "Огни" - историческая хроника гонений за веру от Яна Гуса до самого себя.

Пятая часть - "Мечи" - рисует Францию как царство сатаны, посланного Богом в наказание за дела католиков.

Шестая часть - "Возмездие" - и седьмая часть - "Суд" - пронизаны пафосом веры в справедливое возмездие вероотступникам на земле и в вечности.

Весь цикл проникнут библейской древностью, античной мифологией и высоким трагизмом. Это - подлинный шедевр заката Ренессанса.

Помимо названного, перу д'Обинье принадлежит плутовской роман "Приключения барона Фенеста", написанный под воздействием "Дон Кихота" и представляющий собой прежде всего сатиру на придворные нравы. Этот роман, восходящий к новеллистике начала века и к творению Рабле, считается значительным явлением французской прозы.

Другая прозаическая вещь - "Жизнеописание Агриппы д'Обинье, написанное им самим для его детей", вероятно, и помешала Дюма использовать биографию Агриппы для романа. Ведь лучше самого д'Обинье не мог написать о нем никто, даже король бестселлера Дюма-отец. (К слову сказать, в точно такой же ситуации Дюма использовал автобиографию Челлини при создании романа "Асканио" - и... проиграл итальянцу в творческом поединке... Может быть, поэтому он удержался от аналогичной дуэли с французом. Впрочем, Дюма сочинил несметное множество романов, и вполне возможно, что мне просто неизвестна его книга о д'Обинье.)

Творчество Агриппы д'Обинье в целом - одно из вершинных явлений, подготавливающих барокко в эпоху Ренессанса. Трагическая муза его дала французской (и не только!) литературе высокую патетичность гражданской лирики и мощь визионерского полета мысли. Присутствие музы д'Обинье ощущается и в космических видениях Джона Мильтона, и в яростных "Ямбах" Огюста Барбье, и в творчестве Виктора Гюго. А Бодлер просто поставил эпиграфом к первому изданию "Цветов Зла" строки из поэмы старого гугенота.

В заключение привожу несколько сонетов и маленький фрагмент из "Мечей" Агриппы д'Обинье.

*** (Пер. Ал. Ревича)

Ронсар! Ты щедрым был, ты столько дал другим,
Ты одарил весь мир такую добротой,
Весельем, нежностью, и мукой, и тоскою,
И мы твою любовь, твою Кассандру чтим.

Ее племянницу, любовью одержим,
Хочу воспеть. Но мне ль соперничать с тобою?
Лишь красоту могу сравнить одну с другою,
Сравнить огонь с огнем и пепел мой с твоим.

Конечно, я профан, увы, лишенный знания
И доводов. Они полезны для писанья,
Зато для нежных чувств они подчас не впрок.

Восходу я служу, а ты вечерним зорям,
Когда влюбленный Феб спешит обняться с морем
И повернуть свой лик не хочет на восток.

***

(Пер. В. Дмитриева)

Мила иному смерть нежданная в бою,
От пули, от меча, кинжала иль картечи,
Кончина славная среди кровавой сечи,
Где та ж судьба грозит оставшимся в строю.

Мила другому смерть в постели, не таю,
И суетня врачей, потом - над гробом речи,
И вопли плакальщиц, и факелы, и свечи,
И склеп на кладбище, и уголок в раю...

Но не прельстит меня нимало смерть солдата:
Ведь в наши времена его ничтожна плата.
В кровати смерть скучна, она - удел ханжей.

Хочу я умереть в объятиях Дианы,
Чтоб в сердце у нее, от горя бездыханной,
Воспоминания воздвигли мавзолеей.

К королю

(Пер. Ю. Денисова)

Ваш пес в опале, сир. Под ним холодный пол,
А некогда он спал сладчайшим сном в постели.
Он преданность свою вам выказал на деле,
Среди придворных он предателей нашел.

На вашей службе он вынослив был, как вол,
И перед ним враги от ужаса немели.
Теперь он бит, его не кормят по неделе.
Неблагодарность, сир, горчайшее из зол.

За ловкость, молодость вы так его любили.
Теперь же он презрен. Уже другие в силе.
Коварством, злобой он теперь терпим едва.

Он брошен. Перед ним все двери вдруг закрыты.
Вы травите его, но знайте, фавориты:
За верность плата всем, всем будет такова.

Фрагмент из поэмы "Мечи"

(Перевод Ал. Ревича)

Нерон в былые дни нередко тешил Рим
Ареной цирковой, театром площадным,
Совсем как в Тюильри иль, скажем, в Бар-ле-Дюке,
В Байоне иль в Блуа, где затевают штуки
Такие, как балет, турнир иль маскарад,
Ристанья, карусель, борьба или парад.
Нерон, сжигая Рим, насытил нрав свой дикий,
Как наслаждался он, повсюду слыша крики
Отчаявшихся толп, дрожащих пред огнем,
Несчастье других лишь смех рождало в нем,
Все время раздувал он пламя для острастки,
Чтобы на пепле жертв владычить без опаски.
Когда огонь вполне насытился бедой,
Властитель ублажил народ несчастный свой,
Найдя виновников: он их припас заранее.
И вот извлечены из тюрем христиане,
Они чужим богам стать жертвою должны,
Быть испускителями не своей вины.
В часы вечерние на пышном карнавале
Зевакам напоказ несчастных выставляли
И на глазах толпы, в угоду божествам,
Швыряли их в огонь и в пасть голодным львам.
Так и во Франции, пожаром сотен хижин
Был вознесен тиран, а нищий люд унижен.
В горящих хижинах отчаянье царит,
Но деспот восхищен: "Как хорошо горит!"
Народ не видит зла, мошенникам доверясь,
Их кормит, а винит в своих несчастьях ересь.
И ты, христианин, за глад и мор ответь,
Ты землю превратил в железо, небо - в медь.

Публицистика французского Ренессанса: Мишель Монтень

Обзор развития французской литературы в эпоху Возрождения уместно закончить творчеством Мишеля Монтеня, но прежде скажем несколько слов о других, менее значительных прозаиках.

Ранее мы уже упоминали имя Маргариты Наваррской и ее роль в развитии новеллы ("Гептамерон"). Помимо Маргариты, популярными новеллистами были тогда Бонавентюр Деперье и Ноэль Дю Файль. Первый - сатирик-гуманист, второй - бытописатель селений и маленьких городков Бретани. Герои Файля схожи с персонажами картин Брейгеля, чаще всего это беседующие обо всем и, главное, о смысле жизни, старики. Колорит рассказов Файля мягкий, задушевный, иногда перегруженный латинизмами. Основное произведение Деперье - сборник рассказов "Новые забавы и веселые разговоры", главные книги Файля: "Сельские беседы" и "Шутки Этрапея".

Следующие рассказчик эпохи - Франсуа де Бельфор, новеллист в духе М. Банделло. Самый знаменитый его рассказ - обработка "Гамлета", которую использовал для своей трагедии Шекспир.

В 1572 г. увидел свет сборник новелл Жака Ивера "Весна", вероятно, лучшая в таком роде книга эпохи. Кроме нее, популярностью пользовались новеллы Жана Дагоно, Франсуа Беральда де Вервиля, продолжателя Рабле, и особенно его книга "Способ выйти в люди", а также мемуаристика Пьера де Брантома и Блеза де Монмока. Язык последнего чем-то схож со стилем Монтеня, последнего классика эпохи Возрождения во Франции, к краткому рассмотрению творчества которого мы сейчас и переходим.

Крупнейший русский публицист XIX в. Александр Герцен писал: "Во Франции... гораздо раньше Декарта образовалось особое, практически философское воззрение на вещи, не наукообразное, не имеющее произнесенной теории, не покоренное ни одному абстрактному учению, ничьему авторитету, - воззрение свободное, основанное на жизни, на самомышлении и на отчете о прожитых событиях, отчасти на усвоении, на долгом, живом изучении древних писателей; воззрение стало просто и прямо смотреть на жизнь, из нее брало материалы и совет; оно казалось поверхностным, потому что ясно, человечно и светло. Воззрение Монтеня имело огромное влияние; впоследствии оно развилось в Вольтера и энциклопедистов".

Что можно добавить к этой исчерпывающей цитате? Во-первых, я выбрал ее не только потому, что она исчерпывающа, но и потому что прямо говорит об энциклопедизме. Я считаю "Опыты" Монтеня второй после Рабле всеобщей французской (да и не только!) "энциклопедией". А поскольку и та, и другая - АВТОРСКИЕ энциклопедии, то, естественно, имеют яркий оригинальный стиль и, если можно так выразиться, ауру интересов. И если книга Рабле, как мы говорили, - энциклопедия смеха и жизнерадостности, то книга Монтеня - энциклопедия частной жизни, скромной, жизнеутверждающей просветленности духа. Одна из глав его "Опытов" называется "Об искусстве жить достойно", и эта фраза могла бы служить автоэпиграфом, или даже девизом всего труда в целом.

Монтень жил и работал в эпоху заката Ренессанса, то есть в эпоху гражданских войн, унижения человека и почти тотального (почти - в сравнении, конечно, с XX веком) насилия над ним, в эпоху крушения веры и идеалов, в эпоху, когда само существование его родины как государства было под вопросом.

Мишель Эйкем де Монтень (1533-1592) происходил из старинного купеческого рода. Однако его отец, Пьер Эйкем, выкупил поместье "Монтень" и, поселившись в нем, начал вести дворянский образ жизни. Пьер Эйкем был весьма уважаемым гражданином, выполнял обязанности мэра города Бордо. Человеком он был просвещенным, незаурядным, настоящим гуманистом. И сына своего с малолетства воспитывал в этом духе. Желая, чтобы язык древних классиков стал для сына таким же родным, как и французский, отец в качестве воспитателя взял в дом ученого немца, в совершенстве владевшего латынью, но ни слова не знавшего по-французски. Прочие же обитатели дома, вплоть до слуг, обученных нескольким латинским словам, обращались к ребенку только на латыни. В результате шести лет от роду Мишель поступил в бордосский коллеж, а тринадцати лет окончил полный курс всех наук, что там преподавались.

После этого некоторое время Монтень учится юриспруденции в Тулузском университете, а затем поступает на службу в качестве парламентского советника. Он выполняет эти обязанности до 1570 г. В 1570 г., оставив службу, Монтень уединяется в своем поместье, женится и почти все время проводит в своем забитом книгами кабинете в башне.

В 1580 г. Монтень издает две первые книги "Опытов" и совершает путешествие по Европе: Германия, Швейцария, Италия. Плодами этого путешествия стали путевой дневник, переработанная версия двух первых томов "Опытов" и заключительный, третий их том. Будучи в Италии Монтень был тепло принят папой, а по возвращении домой назначен королем на должность мэра Бордо. В последние годы жизни Монтень только однажды выбрался из дома в Париж, где в момент политической неразберихи на несколько дней попал в Бастилию. Вот, собственно, и вся его биография. Умер философ в 1592 г.

Что же представляет собой его знаменитая книга? По жанру вещь дотоле небывалая, собственно сам жанр эссе (что и переводится как "опыты") едва ли не связан с именем Монтеня. Автор в своих заметках переходит от одной темы к другой без видимой логической последовательности. Названия отдельных глав, как правило, не соответствуют их содержанию. Философские размышления перемежаются с автобиографическими деталями, исторические примеры соседствуют с цитатами древних и современных авторов. Однако внешняя беспорядочность по существу оказывается обоснованной и оправданной.

Внутреннее единство придает книге личность автора, его раскованное, диалектичное "я". В этом - и связь с гуманистами-предшественниками, и неотразимое обаяние монтеневых "Опытов".

Мастер психологического анализа, Монтень раскрывает все сокровенные тайны духовной жизни, изучает личность в развитии, подвижности жизни, ее изменчивости. Он, конечно же, скептик, но скептик не столько по природе, сколько по методологии, созидательный критик... Скептицизм же его направлен на развенчание схоластики, невежества и прочих "прелестей" отжившего средневековья. Монтень отнюдь не ставит перед собой задачи подорвать доверия к человеческому разуму как таковому. Более того, он прямо заявляет: "Я люблю и почитаю науку... Нет стремления более естественного, чем стремление к знаниям".

Вот эти его положительные гносеологические принципы во многом превосходят учение Бэкона.

Не был Монтень и воинствующим атеистом. Вероятно, его спокойный католицизм - не столько убеждение, сколько политическая необходимость. По-существу же он вольнодумец. Чего стоит одна лишь его ирония по отношению к загробному миру, к бессмертию души!.. Задолго до Вольтера он на примерах показывает отрицательную роль церкви в жизни народа. Кстати, саму религию философ возводит не к божественному откровению, но к мотивам вполне земного порядка.

В общем, мировоззрение Монтеня насыщено материалистическими тенденциями: состояние духа зависит от состояния тела; распад тела влечет за собой и уничтожение духовной сущности. "Мы состоим из двух частей, - пишет Монтень, - разделение которых и есть смерть и разрушение нашего существа".

Этика Монтеня тоже вполне светская. Нравственность, по его мнению, не зависит от боязни потустороннего возмездия, то есть от религиозных убеждений. Ближе всего мыслителю, пожалуй, эпикурейство, естественная природа человека. И человек должен считаться со своей природой, подвергая ее, однако, контролю разума. Цель жизни - стремление к счастью, наслаждению. Наслаждение же предполагает гармоничное соответствие между удовлетворением духовных и физических запросов человека.

Этика Монтеня в целом индивидуалистична. Критерий этических ценностей - личность благая и справедливая, не конфликтующая с обществом и гражданским идеалом.

Монтень - истинный учитель и воспитатель, и в этом качестве - последователь и преемник Рабле. Настоящий демократ и великий труженик, Монтень одновременно патриот и народолюбец.

Те же понятия достоинства и умеренности свойственны и Монтеню-эстетике. Отвергая вычурность, изощренность, осуждая условности и напыщенность петраркизма, он отстаивает простоту, даже суровость слога, в котором форма отнюдь не самоцель. Образец слога Монтень находит в народной речи. Между комическим и трагическим он, не колеблясь, выбирает комическое, выражающее внутреннюю уравновешенность и спокойствие духа.

Такова вкратце философская публицистика Мишеля Монтеня, предшественника и - часто - вдохновителя Бэкона, Шекспира, Лафонтена, Расина, Паскаля, Вольтера.